

Из истории изучения дальнего родства: шесть фил в Северной Америке¹

В статье впервые детально исследуются события 1913–1933 гг., связанные с появлением ключевых гипотез дальнего родства языковых семей вaborигенной Америке. Восстанавливается контекст состояния науки того времени и обращается внимание на непростые межличностные отношения Э. Сэпира, А. Л. Крёбера, П. Радина и др. участников описываемых дискуссий, а также на обстоятельства получения ими лингвистического материала, зачастую от последних носителей языков. Важным выводом является призыв рассматривать взгляды авторов «шести фил» в развитии, как некий компромисс между подходами, сложившимися в европейской и американской школах. Некоторые из выделенных Сэпиром фил (ацтекско-таноская), по-видимому, никогда не понимались им в духе классического сравнительно-исторического языкоznания (как древо с единственным праязыком и проч.).

Ключевые слова: Э. Сэпир; А. Л. Крёбер; П. Радин; фила; суперсемья; генеалогическая классификация; компаративистика; скрещенные языки; американские индейские языки.

На сегодняшнем этапе для успешного продвижения в решении многих проблем, связанных с установлением дальнего родства языков, важную роль приобретает анализ, а порой и ревизия методологии предшествовавших поколений исследователей. Двадцатилетие 1913–1933 гг. вошло в историю науки как исключительно плодотворный период, когда было выдвинуто сразу несколько влиятельных гипотез «ламперов» по очередной перегруппировке языков коренного населения Америки. На протяжении длительного времени достижения американских ученых воспринимались как своего рода образец для многих регионов, получив, таким образом, общетеоретическую значимость. На основании различных источников, в том числе эпистолярных, в статье исследуется, как основные акторы этого периода (Э. Сэпир, А. Л. Крёбер, П. Радин и др.) в сложных взаимоотношениях друг с другом достигали своих результатов.

Еще Д. Бrintон обратил внимание на то, что в перечне семей американских индейских языков Дж. У. Пауэлла «не менее сорока», на самом деле 33–34, но во всех случаях больше половины, происходят из «узкой полоски земли между Скалистыми горами и Тихим океаном» (Brinton 1901: 57). Первая значительная ревизия авторитетной пауэлловской классификации (Powell 1891) в сторону укрупнения приходится именно на Калифорнию, где, начиная с 1900 г., работал А. Л. Крёбер. Во время полевой работы он лично записывал носителей языков, часто последних, многих калифорнийских «племен»: в 1900 г. — вийот и особенно юрок (вплоть до 1907 г.); с 1902 г. — йокатс (до 1904 г.) и мохэви (до 1911 г.); в 1907 г. — вашо; в 1908 г. — шошоноязычных серрано, кауийя, чемеуэйви, габриэлино и агуа-кальенте. В сотрудничестве с Роландом Диксоном, гарвардским специалистом по майду, Крёбер подготовил серию публикаций (Dixon, Kroeber 1903, 1913a,

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-18-00159, <https://rscf.ru/project/20-18-00159/>, организация, осуществлявшая финансирование, — Институт языкоznания Российской академии наук (ИЯз РАН).

1913b, 1919; Kroeber 1913), содержавших новый, редукционистский взгляд на таксономию калифорнийских языков.

Ученики Франца Боаса, включая Крёбера, прошедшие в Колумбийском университете через семинар «Языки американских индейцев» их учителя, настроены были изучать языковое родство на основе анализа структуры языка в целом. В первой совместной публикации Крёбер и Диксон провели морфологическую классификацию, исходя из степени инкорпорации, выраженной в различных языках. В фокус попали самые разные признаки: местоименные аффиксы, падежи синтаксические («субъектив, объектив, посессив») и наречные, род, формы двойственного и множественного числа, редупликация, а кроме того, общий характер фонетики («трудная», «нетрудная», «легкая») и лексические сходства. Известные к тому времени языковые семьи, исключая яна и юмскую, оказались распределены по трем типам: юго-западному («чумаш»), северо-западному («юрок») и центральному («майду») (Dixon, Kroeber 1903: 3, note 2).

Очень быстро типология, но столь аморфная, приобрела черты генетической классификации, и Крёбер и Диксон приступили к сведению 16 калифорнийских семей к более крупным, вначале четырем: шаста, чимарико, карок, помо, яна и юма были «консолидированы» ими в хокскую («хокансскую», Hokan); чумаш и салинская в — искомскую (Iskoman); вийот и юрок — в ритвскую («ритванскую», Ritwan); винтун, майду, йокатс, мивок и костано — в пенутийскую (Penutian, сегодня произносится rə'nu:ʃən, но исторически — rə'nu:tiən). Двусмысленное положение сохранялось у эсселен — в статье, опубликованной в *'American Anthropologist'*, авторы причислили его к хокским (Dixon, Kroeber 1913b: 651 *passim*), а в заметке в *'Science'* не решились этого делать (Dixon, Kroeber 1913a: 225). За основу для новых искусственных названий, которые появляются ок. 1913 г., было взято числительное '2' в формах, свойственных языкам соответствующей группы, ср.: атсугейви *hoqi*, чумаш *iškom*, вийот *rit(w)-*; последнее название (пен+ути) представляло собой композит изproto-майду *ré'ne и proto-костано *učxi (Dixon, Kroeber 1913b: 653, 654; Shipley 1978: 82, 85; Campbell 1997: 67–68).

Методологически же столь быстрый сдвиг интересов вверг Крёбера в растерянность. В статье, опубликованной им в венском *'Anthropos'*, вроде бы перечислены компаративистские техники, нужные для надежного установления языкового родства, но видно, что сам автор вряд ли овладел всеми приемами в равной мере, кроме разве что лексических сравнений (Kroeber 1913: 394). И прочитавший статью индоевропеист Антуан Мейе подметил эту слабую сторону исследования Крёбера. Л. Кэмпбелл тоже считает, что крёберовские конструкции были «основаны в сущности на тех же методах, что и у Пауэлла» (Campbell, 1997: 68, 208), что вряд ли справедливо — стоит хотя бы просмотреть заключительную работу хокско-пенутийского цикла, содержащую разбор морфологии сравниваемых языков (Dixon, Kroeber 1919: 90–98).

Другое дело, что в поиске доказательной базы действительно ощущался некий тупик, и Крёбер прекрасно осознавал это («Сейчас меня удивляет, что мы упустили ключ к разгадке» — ALK/ES 03.01.1913; Golla 1984: 74). На протяжении нескольких лет перед появлением прославленных «шести фил» он буквально забрасывал Э. Сэпира лестными характеристиками в письмах, убеждая подключиться к более серьезному обоснованию только что выдвинутых радикальных предположений и, прежде всего, своих. Вот одно из таких посланий:

«Старик (так и есть, “Old Man” — И. К.), клянусь Юпитером, если бы у меня были твои знания и сила усвоения, и навыки обращения с чертовым материалом, я бы давно лишил тебя репутации лингвиста. По крайней мере, я не боюсь попробовать» (ALK/ES 24.07.1913; Darnell 1990: 112).

Но поначалу «старик», кажется, не спешил окунуться в калифорнийские дела, что объяснимо: в 1907–1908 гг. Сэпир уже ощутил непростой климат крёберовского департамента антропологии, попав туда вскоре после защиты докторской. Для смелых редукционистских шагов ему почти всегда хватало собственных сил, опыта и полевых данных. Еще до Калифорнии он изучал языки вишрам низовий р. Колумбия (чинукская семья) и такелма в шт. Орегон; у Крёбера занимался яна (вторично в 1915 г., когда будет обнаружен Иши — последний яхи). В год, проведенный в Пенсильванском университете, фокус интересов Сэпира переместился на южный пайют. Начиная с 1910 г., в свой оттавский, самый плодотворный для систематизации индейских языков период (хоть и скучный и не самый успешный с карьерной точки зрения), он исследовал нутка о-ва Ванкувер, сенека и мохок, несколько алгонкинских языков в окрестностях канадской столицы, чимшиан, а также сарси (Sarcee) и прочие атапаскоязычные группы. Атапаские языки (часть будущих на-дene) останутся в фокусе его интересов и после возвращения в 1926 г. в Соединенные Штаты, в Чикаго.

Все же гонка постепенно захватила Сэпира. Возможно, первое свидетельство — его рецензия на исследование Р. Диксона о чимарико (1910), язык которых был записан фрагментарно, лишь со слов двух последних носителей — Полли Дайер, по определению Крёбера «беззубой старухи» (Kroeber 1925: 109), и индейца по прозвищу «Пятница» (Friday), частично чимарико, частично хупа и винтун (Jany 2009: 7–10). Рецензент заметил, что в фонетике автор «не всегда тщательно отделяет <...> сильные (fortes) от обычных глухих»; утверждает, что в чимарико отсутствует редупликация прилагательных со значением цвета, забывая об обратных примерах у себя же; более того, обосновывая объединение чимарико с шаста в одну семью, он упускает из внимания самые поразительные примеры их сходства: что и в тех, и в других языках местоименные элементы используются как префиксы и суффиксы. Словом, «доктор Диксон, похоже, не полностью утилизировал весь свой материал» (Sapir 1911: 142, 143).

Компаративизм Сэпира. Для общего понимания подхода Сэпира важна работа 1916 г. “Time Perspective in Aboriginal American Culture” (Sapir 1916), которую можно считать отправной точкой в развитии его взглядов на интересующую нас проблему. Прежде всего в ней заявляется, что «настоящая классификация генетически родственных языков всегда стремится принять вид генеалогического дерева» (Сепир 1993: 558), т. е. Stammbaum, как в индоевропейском языкоznании. В равной мере Сэпир допускает «возможность установления исторически равноценных языковых объединений, а также различия исторически первичного и относительно вторичного расхождения языков, даже когда последнее характеризуется сравнительно большей величиной» (Сепир 1993: 561, сноска 49).

Признание существования сестринских языков подкрепляется у автора верой в реальность «сравнительно мало дифференциированного» пражзыка (Сепир 1993: 558). Все-таки дифференциированного, что может подразумевать не единый и монолитный Ursprache в духе А. Шлейхера, а диалектный континуум. Но такое допущение Сэпир никак не обсуждает, хотя буквально в то же самое время работает с материалами яна — очень похожим случаем, насколько будет показано дальше. В книге «Язык. Введение в изучение речи», написанной пятилетием позже, он прямо назовет состояние пражзыка до распада «до-диалектным периодом» (Сепир 1993: 157).

Про сэпировское понимание сути фонетических законов, постулирование которых превратилось чуть ли не в самоцель для тех, кто разделял методологию младограмматиков, в статье не говорится вовсе. Констатируется лишь, что знание подобных закономерностей чрезвычайно полезно при «стратификации заимствованной культурной лексики»

(Сепир 1993: 556, прим. 35). Но опять-таки в «Языке» этому посвящена целая глава, из которой видно, что, по мнению Сэпира, изменение в звуковой системе языка не происходит в отрыве от морфологии и синтаксиса и не сводится к действию известного принципа аналогии. Оно складывается из результатов действия, как минимум, трех «стихий», во-первых, общего дрейфа языка (drift), «о природе которого мы почти ничего не знаем», например, тенденции к усилению ударения, озвончения и проч.; во-вторых, выравнивания; и в-третьих, предохраняющей тенденции, работающей тогда, когда общий дрейф начинает угрожать «слишком серьезным морфологическим расстройством» (Сепир 1993: 169). При этом то, до какой степени невнятно он понимал дрейф языка, видно из его письма к Р. Лоуи, которое вообще посвящено растолкованию смысла 5-й и 6-й глав книги (ES/RL 23.05.1921; Lowie 1965: 49):

«“Мистицизм” дрейфа происходит из факта, что непонятна точная природа (психологическая или иная) последовательного процесса, включающего ускоренное движение к типу. Мы способны чувствовать факты и процесс, даже если не можем разумно этот процесс определить. Мы получаем эти дрейфы и в истории искусства, религии, общественных сил. К детерминантам понятия «дрейф», несомненно, привлечена математическая и квазиэстетическая интуиция. «Эволюция» в обычном понимании, вероятно, представляет собой совершенно другой процесс. Может быть, «дрейф» и плохое слово, но у него есть то преимущество, что оно ни к чему не обязывает. Слишком невинно, чтобы причинять много боли».

Относительно хронологии языковых разделений в вышеупомянутой статье предлагается учитывать фактор усложнения генеалогического дерева. Чем сильнее дифференциированы языки внутри семьи и чем шире ее география, тем больше времени должен занимать процесс дивергенции. Поэтому локализацию прародины («географического центра тяжести, в историческом смысле») резонно привязывать к размещению не всех ветвей семьи, а лишь основных (происходящих от сестринских языков), «независимо от того, насколько дробно они в свою очередь разделены» (Сепир 1993: 558, 561).

Вместе с тем, подчеркивается и другое — что современные носители языка, даже их большинство, могут не быть «потомками гомогенной группы людей, говоривших на гипотетическом прайзыке» языковой семьи, к которой он относится (Сепир 1993: 559, прим. 43). Поэтому арии и семиты, о происхождении которых столько спорили в Старом Свете, не более, чем миф. Получается, что сопряженность лингвистических и этнических общностей относительно высока на уровне отдельных языков, но не семей в целом. Глубже во времени она ослабевает и теряется. «Грубо говоря, языковые элементы соответствуют элементам и комплексам элементов культуры, языковые группы — культурным ареалам», — в этой сэпировской формуле лучше всего выражены колебания и сомнения, насколько языковое родство надо понимать буквально, «генетически». И это при том, что в первой, посвященной культуре части своей статьи автор всячески убеждает, что культурные ареалы — не более, чем модель (Сепир 1993: 539).

Но в отличие от Боаса, судя по всему, отбросившего «догмы» индоевропейского языкоznания, если не в ходе знаменитого семинара по языкам североамериканских индейцев, то уж точно во время подготовки “Handbook of American Indian Languages” (Boas 1911), у Сэпира, кажется, все проходило дольше и сложнее. В «Языке», в местах, где обсуждаются типы языковой структуры, он куда менее консервативен: признавая, например, что английский язык легче и лучше, чем немецкий усваивает заимствования, которые повлекли за собой даже отклонения от общего дрейфа. Последний конкретно в английском зависит от чего-то, что вполне можно было бы назвать последствием языкового

скрещения: в языке уже имелось что-то такое, что «благоприятствовало усвоению новых слов», а заимствования в свою очередь «компенсировали какое-то внутреннее ослабление самого языка» (Сепир 1993: 156). Не так в более ранней “Time Perspective”. В ней продолжают доминировать модели и схемы, имевшие хождение среди тогдашних европейских младограмматиков, возможно, именно из-за неуверенности ее автора, еще не настолько глубоко погрузившегося в лингвистику Нового Света.

Сэпир пробовал свести вместе горизонты культурной антропологии и лингвистики. А его мягкий компаративизм, местами даже синкретизм, несомненно происходил из более общих ориентиров, заложенных в антропологии Исторической школы. Р. Дарнелл охарактеризовала его статью, как «самый крайний в боасовской антропологии пример лингвистики, выступающей служанкой этнологии», притом исходивший чуть ли не «от единственного боасовца, обладавшего подготовкой индоевропеиста» (Darnell 2021: 197).

И работа об определении временной перспективы в индейских языках и культурах, и уже упоминавшаяся книга, а помимо этого еще и одноименная с ней заметка, написанная для «Энциклопедии социальных наук» (Сепир 1993: 237–238), служат проявлением «мании классификаторства», по меткому определению Дарнелл (Darnell 1990: 110–117): то, что какие-то языки уже прочно ассоциируются с определенным перечнем языковых семей, вовсе не означает, что в ближайшем будущем остальные не займут место в них же или в каких-то еще до сих пор не выделенных группировках — «*гораздо труднее доказать <...>, что некоторые языки, разделяющие немногие явно сходные черты, нельзя считать восходящими к общему источнику*» (Сепир 1993: 558). Но, с другой стороны, необычайно высокая степень лингвистической пестроты в Новом Свете, должна свидетельствовать о том, что «языковая дифференциация» «только в незначительной части (на последних стадиях)» проходила здесь, а не в Азии еще до переселения (Сепир 1993: 539). Поэтому вскоре надо ожидать новых предположений и в том числе таких, которые выведут нас далеко за пределы американского континента.

Алгонкино-ритвская фила. В 1913 г. Сэпир изложил свою первую гипотезу, о родстве крёберовско-диксоновской ритвской семьи с алгонкинской на Востоке. Сравнению подверглись лексемы отдельных алгонкинских языков с вийот и юрок (чаще всего с каким-то одним, отрывочный материал не всегда позволял учитывать реалии обоих). Два последних языка — те нечастые случаи, когда он, не имея собственных полевых данных, вынужден был положиться на чужие наработки. Самому ему доведется добраться до этой части Калифорнии значительно позднее, уже в конце 1920-х.

Для Крёбера, напротив, юрок, поселенные в одноименную резервацию, еще на рубеже столетий стали «своими». Главный информант из их числа, Роберт Спott, получил кое-какое образование, воевал на фронтах Первой мировой войны (пострадав от газовой атаки), председательствовал в племенном совете. До него Крёбер работал с его приемным отцом, Капитаном Спottом из Рекуой (Requa) в устье р. Кламат, как и с биологическим — Вейтчпекским Фрэнком (Weitchpec Frank) из дома Wogwu, выше по реке (Spott, Kroeber 1942: v; Kroeber 1954: 282). Значительно хуже в те времена были описаны вийот, подвергшиеся децимации, за катастрофическими последствиями которой антропологи просто не поспевали. «*Кульмиационным актом варварства и бесчеловечности со стороны... порочных белых*», как написал крёберовский студент Ллуэллин Лауд, была резня, учиненная в 1860 г. старательским отребьем на о-ве Гантер (Индиан-Айленд) в заливе Гумбольдта (Buckley 1996: 285).

Сэпир представил список из 150 юрок-вийот-алгонкинских соответствий, не все из которых выглядели, однако, вполне бесспорными. Но он разбил их на 10 групп — суще-

ствительные, обозначающие индивидов, части тела, животных и растения, природные и искусственные объекты; числительные; местоимения; обозначения пространства; основы глаголов и прилагательных, — очевидно, имея в виду разную степень их важности как доказательств родства. Так он подчеркивал особую ценность совпадений в сравниваемых глаголах, перебрасывая мостик к морфологии: «Очень важно отметить, что некоторые алгонкинские вторичные глагольные основы <...>, по-видимому, родственны первичным основам вилют», при том, что были известны случаи, когда основы, первичные в одном алгонкинском диалекте, выступали как вторичные (заимствованные) в другом (Sapir 1913a: 629).

Среди свидетельств генетической общности чисто морфологического характера фигурировали посессивные местоименные префиксы, префиксы глагольных времен и залогов, показатели множественного числа и др. Сэпир описал также 8 закономерных звуковых преобразований, объясняющих, по его мнению, специфику ритвских форм в сравнении с алгонкинскими. В итоге он засомневался, надо ли по-прежнему настаивать на выделении ритвской семьи, хоть и родственной алгонкинской, но особой, или же вилют, юрок и алгонкинские языки («равнинно-атлантические») правильнее считать равноудаленными ветвями единого целого (Sapir 1913a: 646)?

Крёбер отреагировал на новость феерически (ALK/ES 30.07.1913; Golla 1984: 112–13): «Дорогой д-р Сэпир, Ваш козырь выигрывает. Я уверен, что всегда думал об арапахо *bä-*, когда имел дело с вилют или юрок *te-*, *we-*, но кроме как о совпадении никогда ни о чем другом не мечтал». По его словам, ему сразу захотелось все проверить и добавить свою толику к открытию, но материал по юрок находился у Уотермэна, а по арапахо — в офисе под ключом. Все же, прежде чем, как планировал, передать все свои записи по арапахо Майклсону, он решил еще раз взглянуть на них. Дальше следовал небольшой список из дополнительных соответствий: вилют *we's* ‘рука’ и арапахо *bäetcet* с тем же значением; вилют *weser* ‘женская грудь’ и арапахо *bäθän-i* ‘то же’; вилют *tan* и арапахо *-ot*, *n-ot* со значением ‘живот’... Против последних двух стояли вопросительные знаки. По-видимому, Крёбер сомневался в правильности своей транскрипции («у меня такая плохая память»). На скорую руку он попробовал даже вывести фонетический закон: «вилют *r* < *ɳ* = алгонк. *l* > < *n* переход (?)». Сэпир благодарил и уточнял (ES/ALK 05.08.1913; Golla 1984: 117):

«Арапахо *ba-than-i* “женская грудь” = *B*[илют]. *we-ser* < **-sen* — чудесно, если прочитировано правильно по памяти. До этого я не мог найти для *ne-ser* родственных алгонкинских слов, хотя смотрел внимательно. <...> Тебе будет интересно узнать, что у меня есть доказательство, показывающее что *B*-*IO*[рок]. *L* становится алгонкинским *s* (или *ç*)».

В конце следующей декады крёберовские заготовки фонетических законов были и вовсе отвергнуты. Обмен двух «таксономистов» данными и идеями вокруг алгонкино-ритвских сравнений продолжился, пока к декабрю не иссяк, причем Сэпиру, начиная с сентября отвлекавшемуся на другие темы, он видно наскучил еще раньше (ALK/ES 05.08, ES/ALK 05.08, 06.08, 08.08, 12.08, ALK/ES 12.08, ES/ALK 13.08, 14.08, ALK/ES 14.08, ES/ALK 18.08, 23.08, 26.08, 12.09, ALK/ES 23.09, ES/ALK 28.09, ALK/ES 30.12.1913; Golla 1984: 117–132).

Юто-ацтекская фила. Почти одновременно с алгонкино-ритвской гипотезой, но, судя по всему, все-таки на пару недель раньше, началась углубленная разработка другой, юто-ацтекской, которой повезло даже больше, в том смысле, что в итоге она оказалась лучше верифицирована. С 1913 г. Сэпир приступил к публикации результатов масштабного сравнительно-исторического исследования фонологии языков южный пайют и науталь (ацтекского) (Sapir 1913b, 1915b), с реконструкцией звукового состава общего

праязыка и постулированием ряда звуковых законов. К тому времени он уже посетил резервацию Юинта, где записывал ютоязычного Чарли Мэка, но главным информантом ему все же служил пайют Тони Тиллохаш из Карлайлской школы в Пенсильвании (Darnell 1990: 17). 30 мая 1913 г. Сэпир написал Крёберу (ES/ALK 30.05.1913; Golla 1984: 103–104):

«<...> [П]осылаю экземпляр (a carbon copy) первой части моей статьи о юто-ацтекской [семье], думаю, что Вам будет интересно увидеть материал перед тем, как он выйдет в виде публикации, возможно еще через какое-то время. Трактовка консонантов последует во второй части, в то время как третья посвящается рассмотрению пунктов морфологического сходства, многие из которых упомянуты, в действительности случайно, [уже] в настоящей части».

Все так. Парижское Общество американистов быстро начнет публиковать «Южный пайют и науатль». Вторая часть текста, из-за разгорающейся мировой войны, будет переложена в ‘American Anthropologist’ и выйдет с двухгодичным запозданием, разбитая на два выпуска. Но морфологическая часть так никогда и не будет написана (Golla 1984: 104, note 1).

Чуть позже, но точно неясно, когда, Сэпир подхватит идею родства кайова с тано (к тому времени испанское *й* в названиях пауэлловских семей «американизировалось» в *н*), и тано с шошонскими, высказывавшуюся еще Дж. П. Харрингтоном, а до него И. Бушманном, А. Гэтшетом и др. (Harrington 1910: 119–123), расширяя таким образом юто-ацтекскую семью до ацтекско-танской.

На-денé, от хайда *na* ‘населять; дом’, либо тлинкитского *na* ‘люди’, и общеатапаского *déné* с тем же значением — название, предложенное в 1915 г. Сэпиром (Sapir 1915a) еще для одной большой семьи, объединившей три упомянутых «ствола» из перечня Пауэлла. Из них тлинкит и хайда считались изолятами. По этим языкам у Сэпира были свои информанты: с тлинкитским помогал Луис Шотридж, с хайда — преподобный Питер Келли из Скидегейт, приезжавший в Оттаву (Darnell 1990: 18).

В том же письме Крёберу, где объявлено было начало изучению юто-ацтекской фонологии, Сэпир упоминал, что в последнее время «занят атабасскими, тлинкитскими и хайда», и «собрал достаточно свидетельств, чтобы убедить себя, по крайней мере, в генетическом родстве этих трех» (ES/ALK 30.05.1913; Golla 1984: 104). В другом сэпировском письме (ES/ALK 05.08.1913; Golla 1984: 117), наряду с коррекцией звуковых переходов в алгонкинских и ритвских языках, говорилось: «Мною накоплены свидетельства, столько же хорошие, а может и лучшие, по генетическому единству хайда, тлинкитского и атабасских». Вырисовывается, что работа над на-дене, юто-ацтекской и алгонкино-ритвской семьями велась практически параллельно.

Но первую (и единственную) публикацию в ‘American Anthropologist’ специально по на-дене Сэпир представил двумя годами позже, и лишь как предваряющую более основательное исследование, впрочем, так им и не осуществленное, что уже происходило и еще не раз повторится. В ней был предпринят комплексный анализ морфологии, лексики и фонологии языков сравниваемых групп и, в частности, сделан вывод, что общее своеобразие на-дене определяют 9 морфологических признаков, касающихся в основном глагола. Среди последних: корни существительных инкорпорируются в глагольный комплекс в качестве префиксов (инструментальных и др.); глагольной основе предшествуют местоименное подлежащее и дополнение, которое следует в самом начале; хайда и атапаские («атабаские») обладают аффиксами места, но в первом они выступают как

суффиксы, а во вторых — как префиксы; в атапасских и тлинкитском имеется большое количество префиксальных «модальных» элементов со значением наречия; во всех языках на-дene для обозначения логического субъекта глагола используются субъектные/объектные местоименные элементы и др. Лексические сходства в статье содержали 98 примеров (меньше всего для хайда). Итоговым выводом было: «атабасские, хайда и тлинкитский следует считать генетически родственными» (Sapir 1915a: 543–544, 551–554).

Еще Боас в 1888 г. принадлежала мысль о возможной структурной близости тлинкитского и хайда, как и прозорливое наблюдение о том, что у них наиболее «азиатский» облик (Rohner 1969: 89, 98). В 1920–1921 гг. сходный вывод попытается обосновать Сэпир («языки на-дene, безусловно, самые «неамериканские» из всех языков, на которых говорят на севере континента» — ES/RL 15.02.1921; Lowie 1965: 44–46). Он задумается и о возможном родстве на-дene с сино-тибетскими языками, но это уже, так сказать, совсем другая история, и к ней еще предстоит вернуться. Ирония же заключается в том, что по прошествии времени Боас именно в пункте, касающемся на-дene (как и в ряде других), не поддержит начинания своего наиболее одаренного лингвистически последователя.

Пенутийская фила. Сэпир изначально поддержал пенутийскую, как и хокскую гипотезы Крёбера. «Мы оба верим» «в родство чимарико с шаста и костаноских с мивок», — подчеркивал, надо полагать, удовлетворенно Крёбер в своем письме, датированном самым началом 1913-го (ALK/ES 03.01.1913; Golla 1984: 73). Все предвоенные годы Сэпир следил из Оттавы за новостями, связанными с таксономией пенутийских языков. К апрелю 1915 г. он и сам предложил существенно пополнить их число, пока «негласно» (публикация об этом появится только через 6 лет — Sapir 1921b), включив в их состав «орегонские стволы (stocks)», превращенные таким образом в орегонские пенутийские (ES/ALK 15.04.1915; Golla 1984: 182–183):

«Дорогой д-р Крёбер,

Писал ли я тебе когда-нибудь, что у меня есть свидетельства, демонстрирующие, что такелма и кус родственны? Не очень близко, однако. Так[елма]. структурой куда более синтетический. Кус вполне аналитический по типу. Сейчас я начинаю подозревать, что кус (в итоге, может также сайусло, алсийа [Alsea] и калапуйя?) и так[елма]. являются северными пенутийскими, отделенными от ю. пенутийских вторжением на север (шаста-ач[омави]., чим[арико]., карок, яна, помо) хокских языков, которые, кажется, тяготеют к югу <...>».

Далее перечислялись довольно убедительные примеры: кус *ta* и йокатс *taɪ* ‘люди’; кус *u̯̥psEn* ‘3’ при такелма *xibini* и йокатс *so̯pɪn*, костано *karxan* с тем же значением; такелма *xi* и костано *ci* ‘вода’ (также кус *c̥i* ‘пить’). Судя по всему, хокское перемещение на север остановилось у горы Шаста. Из других калифорнийских групп шошонская также про-двигалась на северо-запад, но атапасская совершала противона правленное движение на юг. Мигрировавшие атапаски разделили такелма с остальными северо-пенутийскими языками. Сэпир предположил, что синтетизм такелма мог быть более поздним явлением, развившимся на аналитической основе, характерной для кус, а в Калифорнии — для йокатс. «Конечно, существуют громадные морфологические различия между кус, так[елма]. и, скажем, йокатс или майду, но мы должны смотреть на эти вещи не негибкими дескриптивными глазами (sic!), а исторически». Одной из важнейших объединяющих черт, по его мнению, являлось наличие в сравниваемых языках (кус, такелма, йокатс) корней существительных специфического типа — двусложных, с повторяющейся гласной (*CVC₁V*). Через неделю он уже добавлял список из 145 кусско-такелмско-пенутийских сравнений.

Вкупе с очередной порцией материала предлагались некоторые регулярные звуковые явления. В постскриптуме Сэпир попробовал было присвоить новой семье альтернативное название, но этот шаг не встретил отклика (ES/ALK 21.04.1915; Golla 1984: 183–184):

«Мне не нравится “Penutian”. Ввиду кост[ано]. *ата*, йокатс *mai*, майду *mai-*, кус *та*, я бы предложил “Mai” (маи) в качестве названия семьи (stock name). Надоело -an! Семья маи — было бы достаточно хорошо».

Крёбер отреагировал только через месяц и без энтузиазма: «За нехваткой времени вследствие подготовки к моему годичному бегству, у меня не было возможности перечитать твое доказательство новых родственных связей хокских и пенутийских» (ALK/ES 29.05.1915; Golla 1984: 191). Возможно, что он действительно был занят приготовлениями к европейскому вояжу, которому планировал посвятить свой *sabbatical*. Но нашлось время для другого — он просил Сэпира прислать ему оттиск работы «Южный пайют и наутль» (ALK/ES 18.05.1915; Golla 1984: 190). Не исключено, что, Крёбер беспокоился о сохранении личного приоритета в классификации калифорнийских семей. Действительно, лучше всего, рассуждал он, если бы мы подготовили совместную статью о кус и такелма в связи с пенутийской проблемой, но это невозможно: «На протяжении шести месяцев у меня не будет времени, поэтому и не могу обещать». В любом случае «мы не представили еще доказательства» (ALK/ES 29.05.1915; Golla 1984: 191)?!

Рукопись с «доказательством» Сэпира всплывает в архиве Ф. Боаса и только *post mortem* будет издана Моррисом Сводешем. Новый вариант содержит даже больше примеров орегонско- и калифорнийско-пенутийских сходств — 152. На вопрос, почему Сэпир не публиковал свою работу сам, Сводеш ответит, что включение в семью кус и такелма потянуло бы за собой необходимость обоснования ее дальнейшего расширения за счет сайусло, калапуйя, чинукских и цимшиан, а для этого необходимы были уже новые свидетельства, которые только предстояло собрать (Sapir, Swadesh 1953: 133–134).

Годом позже Сэпир поделится с Крёбером (ES/ALK 14.07.1917; Golla 1984: 242–244), что обнаружил-таки несколько пар когнатов в ниска (один из языков цимшиан) и йокатс (один из калифорнийских пенутийских «стволов»). Так, йокатс *n-atet* ‘отец’ родственно, по его мнению, *häd-i^{·i}* в речи женщин ниска (вокатив, где *-i^{·i}* ‘мой’). Кроме того, у них же в речи мужчин имеется синонимичное *rä·r[·]* (вокатив), коррелирующее с *n-orop* в йокатс, точнее в йоуламни (у Сэпира — йавелмани, *Yauelmani*). Соответственно, появление в йокатс дуплетов *n-orop* и *n-atet* объяснимо былом существованием и в этом языке гендерных различий, со временем стершихся. Похожим образом связаны йокатс (йоуламни) *no'om* ‘мать’ и ниска *nó^{·i}* ‘моя мать’ (форма вокатива — *nä^{·i}*), как и йоуламни *ts'utsa* ‘дитя дочери женщины’ (первоначально ‘мать матери’) и ниска *nts'é·ts'-i* ‘мать моего отца (моей матери)’. При образовании от последнего формы вокатива *tsi·ts* исчезает глottализация (*ts' > ts*), что Сэпир считает признаком детского языка. Возможно, что тоже, «детского» происхождения — *t'uta* (вместо *ts'utsa*) в йодэнчи, еще одном диалекте йокатс.

Установить все эти связи позволил один подмеченный ученым факт: в приведенных примерах, как правило, в вокативе исчезает *n-*, ср. йоуламни *n-orop* ‘отец’ при йодэнчи (вокатив) *oro-uo* ‘то же’: «Возможно мы имеем здесь след посессивного аффикса особого класса, используемого только в терминах родства». И по мнению Сэпира, ниска *niué'e^{·i}* ‘мой дед’ (*ue^{·e}* — вокатив) изначально мотивировано как ‘я-дед’, указывая на принадлежность говорящему. Затем при превращении в невокативное ‘дед вообще’, после утраты начальным показателем первого лица ед. числа (ниска *n-* ‘я’) своего архаичного значения, появилась потребность в новом местоименном аффиксе *-e^{·i}* ‘мой’. Если эта модель релевантна, то

могут заиграть и менее явные примеры пенутийско-цимшианских схождений, такие как: йокатс *bap* ‘мать отца’ и ниска *po'bēb-i* ‘брать моей матери’ (вокатив — *bi:p'*); йокатс *pa-hamish* ‘тесть (свекор)’ и ниска *lämc* ‘теща (свекровь)’.

Хокские языки. Интересно, что, если инициатором расширения пенутийской семьи, похоже, выступал Сэпир, то хокской — определенно сам Крёбер, писавший 3 января все того же 13-го, богатого на ламперские начинания года (ALK/ES 03.01.1913; Golla 1984: 73–75):

«В последнее время меня опять весьма заинтересовал яна. Помнишь, как два или три года назад Диксон и я собирали лексическую информацию по всем диалектам Калифорнии с намерением определить характер и степень заимствования между неродственными языками. <...> Помнишь, как ты достаточно любезно снабдил меня для (этой) цели перечнем из примерно 250 терминов яна, который, между прочим, оказался чрезвычайно удобен на ранних этапах нашего знакомства с Иши».

«Два или три года назад» адресант, вместе с Р. Диксоном, приступил к исследованию, как раз и позволившему вскоре объявить об открытии новых языковых семей вaborи-генной Калифорнии. Т. Уотермэн был первым из антропологов, кто две недели в сентябре 1911 г. пробовал установить контакт с Иши, «последним диким индейцем», в кутузке Оровилла (об обстоятельствах знакомства с ним и его трагической судьбе как информанта, см.: Kroeber, Th. 1961, 1970). В руках у Уотермэна находился тогда список слов яна, а ассистировал ему Сэм Батви. Насколько можно судить, кроме «250 терминов» Сэпира список содержал диксоновские материалы, собранные осенью-зимой 1900 г. по поручению Американского музея естественной истории. Диксон тоже работал с С. Батви, правда застал еще и вождя *Wii'yas'i*, известного белым как Джек с Раунд-маунтин.

Сэпир записывал яна в 1907 г.: в июле-августе у Чидаймии (Бетти Браун) нарративы на северном диалекте и в декабре у Батви — на центральном). Речь первой страдала чрезмерной лапидарностью. Из-за того, что единственной собеседницей Сэма уже долго являлась жена, он часто и не по делу переходил на женский язык, в шутку оправдываясь, что просто много мечтает и думает о женщинах. До Диксона и Сэпира лишь Дж. Кёртину удалось получить несколько текстов от Джека с Раунд-маунтин и еще от одного, давно умершего монолингва по кличке “The Governor”, прибегая к услугам все того же Батви (Sapir, Dixon 1910: 3–4, 6, 129). Как бы то ни было, южные диалекты оставались практически неизвестны науке вплоть до знакомства с Иши.

Хокскую принадлежность яна следует поставить под вопрос, — продолжал в письме Крёбер, готовый поначалу признавать скорее наличие древних контактов этого «ствола» с шаста и помо, нежели их общее языковое родство. Против такого предположения свидетельствовало, однако, еще меньшее количество заимствований, образовавшихся в результате контактов яна с исторически известными соседями — винтун и майду, рассматриваемыми как пенутиязычные (ALK/ES 03.01.1913; Golla 1984: 73–75). Сэпир же благодарил за присланную рукопись Диксона, но предупреждал, что в ней имеются недостатки и, в частности, путаница с отображением отдельных серий взрывных (ES/ALK 27.02.1913; Golla 1984: 89–90):

«Как ты помнишь, я указывал в своей рецензии на «Чимарико» Диксона, что трудно понять, как расценивать лексические соответствия без определенного знания также и грамматических черт. <...> Извини, но фонетика материала, с которым ты имеешь дело, оставляет желать лучшего».

Получается, что, сравнивая лингвистический материал яна и чимарико, Крёбер описался на неверно зафиксированные глоссы. Например, в чимарико *qa'a* ‘камень’ следовало бы читать не велярный *q*-, а глottализированный *k!*-. И скорректированное таким образом *k!a'a* оказывалось значительно ближе к яна *k!ai*- с тем же значением и т. д. и т. п.

В другом случае Крёбер предлагал Сэпиру сопоставить конечные элементы в яна *ha-na* ‘вода’ и эсселен *asa-nax* ‘то же’, соответственно *-nex* || *-nax* и *-na* (ALK/ES 12.04.1913; Golla 1984: 94). В третьем послании ученый из Калифорнии все еще продолжал гадать насчет возможного родства лутуами (*sic!*) с хокской семьей. Ему все больше и больше представлялось перспективным ее расширение, например, путем окончательного помещения в юмский дочерний «ствол» следующих языков — серии о-ва Тибурон (вопреки мнению Дж. Н. Б. Хьюитта) и текистлатекского Д. Бринтона в Южной Мексике: «[К]акими бы не определеными ни были эти указания, вынужден буду удивляться, если наша хокская группа не докажет полностью, что является ядром очень большого ствола» (ALK/ES 08.05.1913; Golla 1984: 97).

Сэпир вернется в Калифорнию на три летних месяца 1915 г., чтобы поработать с Иши, пока того не сразит туберкулез, не оставив шансов на выздоровление. «Самая нервирующая» из всех работы будет проходить очень непросто. Она вообще бы не состоялась, если бы индеец был таким же «угрюмым, как некоторые более северные яна», например, Чидаймия, к тому времени уже покойная. Информанта, непривычного к общению с белыми, тяжело было «держать на привязи», чтобы записывать его под диктовку (Sapir 1923b: 264). Он так и не овладел в достаточной мере английским, изъясняясь со служащими музея и редкой вхождой профессурой на своего рода «пиджин-инглиш» (по определению В. Голлы): *hims* *no good* ‘он — плохой’, *sista* ‘сестра (но и брат)’, *hat-na* ‘шляпа (с характерным для яна суффиксом абсолютива)’ и т. п. (Pope 1920: 188; Golla 2003: 212–214). Батви и здесь помогал переводить (Sapir 1923b: 264).

Родным для матери Батви был южный диалект, но поскольку Сэм рано переселился в окрестности современного Миллвилла на Кау-крик, то почти полностью забыл его, перейдя на центральный — диалект своего отца (Sapir, Dixon 1910: 6, note 3a; Sapir, Spier 1943: 239). К 1907 г. южный яна уже полностью вымер, а Батви способен был выдать одни только разрозненные термины и фразы. Чидаймия тоже воспроизвела Сэпиру несколько фраз и слов на диалекте, некогда звучавшем, как она утверждала, на берегах Антелоп-крик (территория южных яна). После знакомства с Иши этот диалект представился ученному гораздо более близким к речи яхи, чем к северному или центральному яна, и он предложил различать внутри соответствующего «ствола»: северный яна, центральный яна и яхи, или южный яна, в свою очередь подразделявшийся на северный яхи (с Антеп-крик) и южный яхи (речь Иши) (ES/ALK 10.01.1916; Golla 1984: 206–207). Позже, однако, Сэпир выступит с другой, четырехчленной классификацией, выделяя северный, центральный, южный яна и яхи, и видя в южном диалекте, толком так им и не задокументированном, «связующее звено между диалектами центральным и яхи, <...> с уклоном, скорее в яхи, чем в центральный яна» (Sapir 1923b: 263).

Но как бы ни было, яхи обнаруживал наименьшую близость по отношению к остальным диалектам яна. Именно по этой причине коммуникация Батви с Иши оказалась настолько затруднена. На севере же ареала, напротив, царила взаимопонятность, и между диалектами отсутствовали четкие границы. Так центральный яна у р. Кловер-крик, содержал уже определенные элементы северного диалекта и т. п. (Sapir, Spier 1943: 243). Все это свидетельствовало о том, что яна представляли собой не просто семью родственных языков, возникших путем дивергенции из некоего пражзыка, а своеобразный, развивающийся в истории диалектный континуум. С другой стороны, яхи, особенно

в фонетическом отношении, показался Сэпиру «самым архаичным», близким к протояна и «заметно более резким для слуха» (Sapir 1923b: 263), а северный яна — напротив, наиболее ушедшими в развитии (Sapir, Spier 1943: 244).

Картину дополняло своеобразие политического устройства яна. Ни одна из диалектных групп, ни тем более яна в целом, никогда не представляли собой единства, распадаясь, как и в других частяхaborигенной Калифорнии, на многие трайблеты, каждый с собственной ограниченной территорией и центральной деревней или ранчерией, где восседал наследственный вождь, собирающий дань, и располагалась общая церемониальная баня-потельня (*sweat house*). Иши обозначал термином *gari'si* центральную группу, не делая различий между ней и северными яна (Kroeber 1925: 345). Взгляд с севера на политическое деление был зеркально симметричным. Там похожим словом — *ga'ri'i* (*garī'ei* в сэпировской записи, т. е. на северном яна) — именовали как раз северных яна, а *ga'ā'i* (*gat'ā'ei* или *gat'ā'e'a* в северном произношении) — в совокупности центральных и южных. В основе всех этих терминов лежит глагольный корень *ga-* ‘говорить’, значение суффикса *tā-* туманно, но *-ri(-)*, по-видимому, означает ‘низ, внизу’ (Sapir, Spier 1943: 243, note 19). Выходит, что яна в своей символической географии помещали верх на юге, а низ где-то севернее.

Существовали еще и особые женские и мужские речевые варианты, причем, если верить Сэпиру, во всех четырех диалектах. Женский яна отличался употреблением усеченных форм (или основ) почти всех слов. Исключение составляли лишь синтаксические частицы (артикли и проч.), два субстантивных глагола (‘быть’, ‘есть’) и пассивные формы с конечной долгой согласной, одинаково произносимые в обоих вариантах. На женском, теоретически используемом втрое чаще мужского, говорили как женщины, так и мужчины с женщинами. Но мужской тоже не составлял табу для противоположного пола — его могли употреблять женщины, например, цитируя речь двух мужских персонажей в мифах (Сепир 1993: 456, 460–461). По мнению Сэпира, сложные формализованные системы, какими являлись специфически женский и мужской языки яна, постепенно развились из «два психологически отдельных источников» (two psychologically distinct sources). Так в речевом поведении женщины-яна длительное время подчеркивалась ее второстепенный статус, обычаем ей предписывалось изъясняться не настолько свободно как мужчине, прибегая к редуцированным формам (Sapir 1949: 211), в чем, наверное, можно видеть отдаленный аналог античному лаконическому стилю.

Удивительная реальность языковой коммуникации яна научит Сэпира учитывать в своих этимологиях пол, возраст и родство говорящих. Вышеприведенные рассуждения о женских и мужских формах в ниска и, при правильной реконструкции еще в (прото-)йокатс, с высокой долей вероятности навеяны всплеском его интереса к яна и к персоне Иши. Теперь мы знаем, что гендерно маркированные социальные диалекты не такое уж редкое явление. Среди возможных «родственников» яна они, вероятно, имелись еще в салинском (Turner 1987: 115); за пределами Калифорнии — в языках пуэбло (Sims, Valiquette 1990), криков, по крайней мере, в коасати (Haas 1944, Bell 1990); в остальном мире — в чукотском, японском, шумерском и др.

Наиболее полно статус яна внутри хокского «ствола» будет обоснован в работе 1917 г. (Sapir 1917a: 1–34). В ней Сэпир приведет 192 материальных свидетельства в его пользу — корни, глагольные и именные суффиксы, местоимения и проч. Он также опишет несколько явлений фонологии, предположительно общехокских: наличие гласной в начале слова (как раз в яна она, как правило, утеряна); чередование гласных фонетической либо морфологической природы; а также их выпадение (особенно в шаста-ачомави) при определенных акцентологических условиях. Что касается «вывода» хокских языков за пределы Калифорнии и вообще поиска их дальних родственных уз, который закончится

постулированием хокско-сиуской филы, то, как уже отмечалось, первую скрипку здесь сыграет Крёбер.

Еще в 1915 г. он опубликовал таблицу из 35 возможных сходств, с одной стороны, языков «чонталь» и сери, а с другой — мохэви и остальных хокских (Kroeber 1915: 279, 282–283). Сэпир в письме поддержал этот давно ожидаемый шаг, но выразил скептицизм относительно корректности предложенных лексических параллелей (ES/ALK 05.03.1915; Golla 1984: 171):

«[М]ы вынуждены будем плутать в темноте до тех пор, пока не узнаем еще, какой точно размер у твоего нового хокского ствола, какие у него основные деления и подразделения, и что за фонетические законы действуют в отдельных диалектах».

Куда больше его волновала история хокской семьи в целом и, особенно, судьба корней специфического типа — VCV(C), будто бы лучше всего сохранившихся на южной окраине ареала у юма и на севере у чимариго. Что до яна, из всех хокских наиболее отдалившегося, то «он отошел, скажем, от шаста и юмских, даже дальше, чем сери и чонталь». В том же послании Сэпир внушал своему корреспонденту мысль о возможности присоединения эсселен и искомских (чумаш и салинского) языков к «северным хокским» (шаста-ачомави, чимариго, яна, помо), единство которых казалось лучше обоснованным (ES/ALK 05.03.1915; Golla 1984: 172). До того Крёбер в «Новых языковых семьях в Калифорнии» осторожно привел девять возможных когнатов («вода», «дом», «небо» и др. — Dixon, Kroeber 1913b: 653), а Дж. Г. Харрингтон на последней странице последнего номера того же тома ‘American Anthropologist’ застолбил это направление поисков, не раскрыв, однако, никаких материалов (Harrington 1913: 716).

К концу марта-апреля 1915 г. Сэпир постарался выделить первый фонетический закон (эсселен *c*, *s* : хокские *h*, *x*) и, как ему казалось, распознал в искомских некие «префиксальные элементы» *t*-, *n*-, *l*-, с учетом которых можно было бы проводить новые соотношения с хокскими: мохэви *ime* ‘нога’ и чумаш *t-əm*, *n-ime-l* ‘то же’; мохэви *at̪ata* ‘небо’ и чумаш *a-l-apə(ya)*, салинское *l-əm(o)* ‘то же’ и т. д. (ES/ALK late March 1915?; Golla 1984: 176). Очередная догадка содержалась в следующем письме — общее для всей семьи именное окончание *-l*: помо *-l*, чимариго *-l*, *-r*; дегэйньо *-ly*, в одном ряду с которыми оказались также яна *-na* и эсселен *-nax* (ES/ALK 07.04.1915; Golla 1984: 182) — два года назад Крёбер уже обращал внимание на эту пару соответствий (см. выше). Там же Сэпир, как кажется, впервые поколебал статус еще одного изолята: «Как насчет *vasho*? У меня есть смутное предчувствие, что он окажется сильно отошедшим хокским языком! *Vasho d-*, как и в чумаш и салинском, < хокского **da* “тот” <...>. *d-aya-l* < **d-ata-l(a)* выглядит необычайно по-хокски. Я подметил и другие хокские точки сходства. Хочешь их?» (ES/ALK 07.04.1915; Golla 1984: 182).

На следующий год после первого своего упоминания *vasho* Сэпир подготовил небольшой текст, который еще через год увидит свет в ‘American Anthropologist’ (Sapir 1917b). По прочтении машинописи (в отличие от Мерриами и Харрингтона боасовцы свободно обменивались допечатными версиями своих трудов) Крёбер несколько растерялся (ALK/ES 19.03.1916; Golla 1984: 209):

«Буду очень рад, если ты сможешь установить статус *vasho*. Ты знаешь, что я чувствую по этому поводу; но я слишком медлителен, чтобы в свободные моменты разбираться со звуковыми переходами (soundshifts), и, вероятно, никогда не пропишу настолько, чтобы начать их угадывать. Кстати, фонетика *vasho* у меня особенно гнилая. Я никогда не слышал языка, кроме нескольких дней, и даже в то время в принципе не отличал один звук от другого».

Сэпировский «Статус вашо» вышел вдогонку новости с той, другой стороны — об «открытии» Харрингтоном родства вашо и чумаш (Harrington 1917: 154). Поскольку хокский характер чумаш уже «подозревался докторами Диксоном и Крёбером» (sic!), а о родстве с юмской, «типично хокской группой диалектов» заявлял Харрингтон, разумно поставить вопрос о связях вашо с хокскими языками. Сэпир пообещал, что в скором времени опубликует доказательства (как известно, этого не произошло), опять повторял, что яна грамматически ушли даже дальше вашо. На второй половинке одной-единственной страницы он умудрился проинформировать о текущем состоянии хокских исследований, в частности еще об одном кандидате на членство в разрабатываемой им и Крёбером филе, а именно о «недавно установленной д-ром Суантоном» группе языков западного берега Мексиканского залива (Gulf, галф). Действительно, последний объединил в 1915 г. коауильтеко, включая комекрудо и котонаме, с каранкава, тонкава и как будто бы еще с ат(т)акапа (Swanton 1915: 17–40): «Очевидно, что предостережения, к которым призывали некоторые более консервативные исследователи, <...> не оказывают чрезмерно сдерживающего влияния» (Sapir 1917b: 450). Весьма наглядно выходит, указывал автор заметки, что территория, отделяющая коауильтеко-каранкава-тонкава от юма-чумаш-вашо, почти полностью занята (была занята) шошонскими и атапаскими народами, переселившимися, очевидно, позднее, первые — с канадского севера, а вторые — из нынешних южной Аризоны и северной Мексики.

Дальше Крёбер объяснял, почему до сих пор в своих публикациях с Диксоном не включал вашо в состав хокского «ствола», но сейчас, в итоговой, меняет позицию: «Теперь мне кажется очень неразумным, чтобы и мы, и ты доказывали один и тот же момент независимо друг от друга и примерно одновременно, не говоря уже о Харрингтоне, возможно, превращающем [все] это в деловой треугольник». Вдруг он вспомнил, что у Диксона имелся некий полевой блокнот по вашо, «несомненно, большие, чем малость, которую я опубликовал». И теперь в интересах общего дела можно было действовать двояко. Либо Крёбер попросит своего соавтора передать все материалы Сэпиру для продолжения, либо, если последний предпочтет, чтобы его «освободили от работы доказывать, что вашо является хокским», они доделают все сами. «Все, чего я хочу в нашей статье, — это поместить язык туда, где он должен находиться» (ALK/ES 11.10.1917; Golla 1984: 251–252). Сэпир, ссылаясь на занятость, с легкостью, по крайней мере, внешней, «свалил все» на Крёбера, отослав ему заказным письмом свои карточки с лексическими сходствами в корневых элементах, префиксах и суффиксах (ES/ALK 17.10.1917; Golla 1984: 254):

«Общие морфологические сходства, которые, возможно, даже более важны, я никогда не записывал: они в основном у меня в голове или могут быть легко проверены путем небольшого поиска исходного материала. Есть также ряд разработанных мной фонетических законов, которые имплицитно содержатся в посылаемом тебе материале. Полагаю, что уже писал тебе какое-то время назад относительно некоторых из них».

Любопытно, что никому из них так и не пришло в голову подготовить что-либо в соавторстве, хотя к тому времени Крёбер должен был точно убедиться, что Сэпир, как лингвист и «таксономист», намного превосходил Диксона. Единственное, о чем просил Сэпир, так это позволить ему взглянуть на гранки в той части, которая будет посвящена вашо, чтобы, если понадобится, «исправить любые возможные недоразумения с вашей стороны при использовании моего материала или предложить дальнейшие рекомендации» (ES/ALK 17.10.1917; Golla 1984: 254). Все же после ознакомления с «Языковыми семьями Калифорнии» он написал (ES/ALK 10.11.1919; Golla 1984: 316–317): «Дорогой Крёбер, <...> Я не вижу, почему ты выражаяешься так осторожно о вашо. Думаю, между нами, что мы на-

копили достаточно свидетельств, чтобы доказать хокский характер языка при отсутствии обоснованного сомнения». Видимо, Крёбер так и не смог себя пересилить, не разглядев в свое время этого структурного сходства.

И снова: в сравнении с яна, а может быть и с помо, языко по своей структуре предстает даже более хокским языком! Самыми же характерными для хокских надо считать чимарико, вероятно еще шастские; для пенутийских — йокатс. Следом шел поток предложений, расцвечивающих разными деталями историю калифорнийских языков. Например, пенутийский майду подвергся, особенно в морфологии, сильному влиянию хокских и в определенных инструментальных префиксах, возможно, еще шошонских. Наоборот, дрейф помо определяли контакты с пенутийскими. Во многих аспектах этот язык настолько близок шастским, чимарико и яна, что, вероятнее всего, географически когда-то соприкасался с ними, а затем покинул свою изначальную территорию, занятую юки и каким-то пенутийским, возможно, винтун. В свою очередь в юки Сэпир подозревал «изолированный осколок», весьма отклонившийся от других хокских, который подобно помо, но еще раньше, начал развиваться под пенутийским воздействием. Из параллелей к юки, предлагаемых Крёбером, его больше убедили хокские, нежели пенутийские. «Возможно, юки нужно сравнивать скорее с хокско-коауильтекскими, а не с хокскими в их узком значении» (ES/ALK 10.11.1919; Golla 1984: 316–317).

Калифорнийская мозаика, с упорядочения которой все началось, сыграла решающую роль в развитии сэпировской компаративистики. Судя по всему, в этой части Америки антропология столкнулась с ситуацией, не менее архаичной, чем лингвистическая непрерывность, известная в других концах света — в центре Индостана, на Новой Гвинее и др., — но которая в ряде аспектов была прямо обратной этим случаям. Здесь части языковых семейств, или стволов, территориально перемежались друг с другом, границы анклавов были более чем очевидны, но внутри них в редких случаях находились дочерние языки, отчетливо дифференцированные на диалекты, как например, помо и юмские, чаще же — осколки былого диалектного континуума, как яна. Хокская гипотеза, особенно во всех ее расширительных вариантах — хокско-искомской, хокско-коауильтекской, юки-хокской и проч. — воплотилась в сложных и компромиссных моделях, «трехмерных», в сравнении с «плоскими» филами алгонкино-ритвской и на-дene, которые больше походили на классическое генеалогическое древо. Хотя выявление лексических сходств и фонетических законов сохранялось в приоритете, о чем неустанно повторялось, все же непрекращающаяся подгонка методики приводила к тому, что от реконструкции прайзыков на их основе пришлось отказаться на неопределенный срок. Сэпир настойчиво пытался отделить субстратные явления от адстратных, пробовал представить дрейф каждого языка, в общем-то пробивая брешь в лингвистику контактов, скрещенных языков и пресловутой «волновой» теории. Его все сильнее завораживал поиск суффиксов, окаменевших частиц в сравниваемых словах и всякого рода специфической лексики, которая могла бы увести в более глубокие хронологические пласти. И удивительно, на новом витке классификация калифорнийских «стволов» возвращалась к исходным типологическим ориентирам Крёбера и Диксона. Ветви схематичных «стволов» оживляли хаотично прораставшие то здесь, то там «rizомы». Все это не сильно напоминало ортодоксальное сравнительно-историческое языкознание.

Америнская гипотеза Радина. Примерно в 1915 г. к классификации североамериканских языков подключился Пол Радин, обменявшийся подготовительными материалами с Сэпиром и Крёбером. Как и Сэпир, Радин сотрудничал в тот период с Геологоразведкой Канады, но приезжал и в Калифорнию. Что-то из его сопоставлений заин-

тересовало Сэпира, хотя методология явно раздражала. Но, как бы там ни было, без новых, привнесенных Радином идей вряд ли появились бы «шесть фил» в известном сегодня виде.

Регна Дарнелл представляет дело так, будто радинские начинания в этой области носили не более чем дилетантский характер. Характеризуя результаты его деятельности как «фиаско», исследовательница подводит к мысли, что они не имели никакого значения ни для Сэпира персонально, ни для развития соответствующего направления поисков в целом (Darnell 1990: 118–122). Ниже будет показано, что это не совсем так. Отечественная историография неоправданно скрупульно дискусию по вопросу о вкладе Радина. В канонических «Народах Америки» разведены сэпировская таксономия и гипотеза Радина, о которой упоминается в разделе «Современное состояние», а его имя идет в одном ряду с Тромбетти: «Более осторожный американский исследователь Пол Радин (1919) пытался установить наличие некоторых общих черт в грамматических формах всех по крайней мере североамериканских языков» (Токарев, Бломквист 1959: 41). Вопреки реальной цепочке событий создается впечатление, что Радин проводил свои сопоставления не параллельно с Сэпиром, а вслед за ним и на основе его достижений.

Между тем, еще в 1918 г. Сэпир «очень внимательно просмотрел таблицы Радина» — рукопись будущей резонансной “Genetic Relationship of the North American Indian Languages” (ES/ALK 19.07.1918; Golla 1984: 278). Разумеется, вновь примкнувшему «таксономисту» не хватало профессионального тренинга. Едва ли он владел в должной мере техникой определения регулярных фонетических соответствий. Радин и сам как-то писал, отшучиваясь по этому поводу (PR/ES 06.08.1913; Darnell 1990: 119): «Почему люди всегда смотрят на меня как на лингвиста, если я так старательно избегаю общения с ними?». И все же его заслуги склонен был признавать никто иной, как Сэпир, высокий профессионализм и лингвистическое чутье которого не подвергались сомнению, советовавший Крёберу прочитать манускрипт, содержащий свежие смелые выводы (ES/ALK 19.07.1918; Golla 1984: 278):

«Я на самом деле думаю, что он [Радин — И. К.] добился настоящего успеха в своих сиуских сравнениях, и, как и сам я не раз подозревал, думаю также, что юки и сиуские окажутся генетически родственны хокским. <...> На твоем месте я бы внимательнее изучил его сиуский материал; выкажи ему похвалу, какой он реально желает, и попроси продолжить эту часть его проблемы тщательно и систематически».

Юки — единственный изолят в Калифорнии, никем еще не аффилированный ни с какой из известных языковых группировок. Попытки своего коллеги установить родство этой маленькой диалектной группы с пенутийскими, атапаскими, вийот-юрок и алгонкинским Сэпир отмечал сходу. Но вот хокские и сиуские языки — совсем другое дело. Юки мог оказаться «главным членом» (a major member) хокской «увеличенной группы», но, возможно, существовало также особое родство юки с сиускими, и тогда все три ветви надо было признать сестринскими. Все же «совершенно необходимо, — напоминал он, — [п]редварительная работа по сравнительной сиуской фонологии» (ES/ALK 19.07.1918; Golla 1984: 278–279).

Радин овладел «сиуским материалом» благодаря полевой работе у уиннебэйго (хочанк), блестяще проведенной им еще в годы докторантуры при Колумбийском университете. Теперь (весна и лето 1918 г.), получив позицию в Миллс-колледже в Окленде, шт. Калифорния, он отправился к ваппо — подразделению юки, члены которого проживали на территории графства Сонома, недалеко от городка Хиллсбург. Как и предшественникам, ему посчастливилось разыскать последних носителей языка (ваппо вымер

в 1990 г.), а среди них подходящих информантов — Джима Трайпо (Tripo) и Джо Мак-Клауда (Radin 1924: 2). Естественно, помимо привычной для боасовцев записи мифологических текстов, Радина интересовали лингвистические свидетельства внешней аффилиации ваппо, и получалось, что их речь обнаруживает «довольно четкие и определенные связи с хокскими, с одной стороны, и с сиускими, с другой». Позже он распознал еще и ее «замечательное сходство с атапаскими и пенутийскими языками» (Radin 1919a: 490), на что Крёбер из Беркли, где привыкли к большей строгости, сыронизировал (ALK/Gifford 18.06.1918; Darnell 1998: 241):

«Все мы 17 лет возились с Калифорнией, и он за две недели объединяет с ваппо пол-континента. Ваппо может быть сиуским; но у вас не получится заставить сиуский [,] атабасский и хокский прогуливаться в Хилдсберге».

Последнее, что надо иметь в виду, это то, что Радину явно свойственно было гейткичество. В апреле 1915 г. Сэпир отоспал в Сан-Франциско выполненный под копирку экземпляр своей только что написанной работы о хокско-коауильтекском родстве (ES/ALK 03.04.1915; Golla 1984: 179). Примерно через два месяца, по тем временам достаточно оперативно, Крёбер извинялся, что университетское издательство не может ее опубликовать, поскольку автор никак не связан с университетом (ALK/ES 29.05.1915; Golla 1984: 192). Сэпир послал машинопись Радину, который, находясь тогда в Санте-Фе, выступил соорганизатором Юго-западной антропологической ассоциации и, как никто, мог бы содействовать публикации (ES/ALK 25.11.1915; Golla 1984: 198): «Моя статья об этом предмете сейчас в руках Радина, для его нового Юго-западного общества». Но тот вместо ожидаемой помощи неизвестно сколько продержал текст: «Радин еще не научился возвращать рукопись, порой по два или три года после ее получения, если вообще возвращал» (ES/ALK 19.07.1918; Golla 1984: 278). Похоже, что именно из-за него «Хокские и коауильтекские языки» (Sapir 1920) — сэпировская работа, исключительно важная для верификации сразу нескольких предлагаемых языковых группировок, от хокского «ствола» до хокско-сиуской филы, — стала публично доступной слишком поздно, уже после обнародования «шести фил».

В 1918-м была готова и в начале следующего года появилась в крёберовской серии публикаций по американской археологии и этнологии 14-страничная работа Радина о генетическом родстве североамериканских индейских языков. С самого начала автор предпочел оговориться, что «не предпринималось никаких попыток последовательно проследить все морфологические формы и словари по всем языкам». А кроме того, в статье, якобы из-за ограничений по объему, пришлось отказаться от доказательства истинности выделенных им «морфологических элементов, которые ранее таковыми не признавались» (Radin 1919a: 489, note 1). В отличии от Сэпира, считавшего, что предки коренных американцев были изначально лингвистически гетерогенны, Радин предположил их единство. Поскольку даже с точки зрения здравого смысла Северо-восточная Азия, откуда шло переселение в Новый Свет, никак не могла выступать в роли Вавилонской башни языков, наблюдаемое сегодня языковое многообразие должно было сформироваться уже на новом месте! Забегая вперед, отметим, данные современной генетики свидетельствуют о наличии в прошлом, по крайней мере, трех отдельных переселенческих волн (Gibbons 2012: 144; Achilli et al. 2013: 1431), и не дают возможности для столь радикального объединения намеченных фил. Дарнелл упрекает Радина еще и за то, что в своей датировке процесса миграции в Америку — ок. 15 тыс. лет назад — он опирался на «неадекватные по общему признанию» археологические данные (Darnell 1990: 119). Но в том то и дело, что теория “Clovis First”, господствовавшая в годы, когда писалась ее собственная книга, в наши дни устарела, и сегодня исследователи называют даты все ближе и ближе к радинской.

В поиске общих для всех языков Северной Америки черт Радин сосредоточил внимание на восьми грамматических признаках, половина из которых будто бы была характерна для большинства языковых семей, выделяемых на континенте, а другая — поголовно для всех них: пассивный залог, иррегулярность форм множественного числа, редупликация, суффиксы или инфикс глагольного вида. Он также попробовал сгруппировать известные семьи в три большие «подгруппы», очевидно, в очередной раз стирая грань между генеалогической таксономией и типологией (Radin 1919a: 491–492): I. Сэлишская, квакиутль, кутенэй, алгонкин; II. Пенутийская, лутуамийская, сахаптин, шошонская, таноская, юкийская, михе, сапотекская, кэддоская, ирокезская; III. Атапаскская, хокская, майя, сиуская, маскогская. При этом, продолжал он, атапаскские языки, вероятно, занимали промежуточное положение между, с одной стороны, хокскими, а с другой — цимшиан и сэлишскими; юки равноудален от атапаскских, хокских и сиуских, но находился ближе всего к пенутийским; шошонские, наиболее походившие на тано и сиу, в то же время одинаково далеки как от пенутийских, так и от юки; самые близкие алгонкинским ирокезские языки в равной мере удалились и от кэддо, и от маскогских. Эти его рассуждения иллюстрировало внушительное число «соответствий», требующих, однако объяснений, например:

‘Голова’ (№ 19): пенутийское *to-i*, *tco-i*; пайют *tco-*; атапаскское (бивер) *tsi'*; хокское (помо) *ci-na*, *xi-ya*; хокское (чимарико) *hi-ma*; квакиутль *saia* (‘лицо’); цимшиан *tsa-i* (‘лицо’); алгонкинское (оджибва) *cti-gwan*; лутуамийское (кламат) *teli-sh*;

салинское *too-c*; квакиутль *erme* (‘лицо’); сиуское (дакота) *ra*; маскогское (чокто) *an-ittra*(?); майя *ro-i*; уабе (Huave) *ta-i*; вийот *ba-L* (‘волосы’); кэддоское *ri-ks*.

Всего им было приведено 75 морфологических элементов, 42 имени, 25 глаголов, 7 личных местоимений, 4 указательных местоимения и 2 числительных, чтобы подкрепить свои догадки (Radin 1919a: 493–502). Сэпир вспылит, обескураженный вопиющей методологической и просто технической сыростью радинского письма (ES/ALK 19.07.1918; Golla 1984: 278):

«Как я и ожидал, ужасающая сумма явной гнили, беспорядочно перемешанной (higgledy-piggledy) с некоторыми действительно хорошими вещами. <...> Подменять атабаскским *на-дене*, и затем дальше — [языком] хупа атабаскский, не принимая в расчет весьма специфическое диалектное развитие форм, которые сами по себе являются вторичным развитием других форм, это и есть [радинская] идея исторического лингвистического метода».

Намереваясь опубликовать разгромную рецензию в ‘*American Anthropologist*’, Сэпир, однако, вскоре передумает, к неудовольствию главного редактора П. Э. Годдарда, который, по язвительному замечанию Крёбера, наслаждался «разногласиями в нашем лагере». Персонально Крёбер отнесется к предложению Радина скорее спокойно и попробует даже отговаривать Сэпира от совершения резких шагов, могущих навредить их тройственной дружбе (ALK/ES 23.08.1919; Darnell 1990: 120). Тот же, после выяснения отношений с Полом в паре писем, сосредоточится на доведении хоть до какого-нибудь конца своих собственных исследований. Сэпира не меньше остальных заботил личный приоритет, поскольку со стороны могло показаться, что его приятель, а теперь оппонент шел с ним вровень. (При этом Радин в публикации аккуратно помечал, где материал Сэпира, а где его собственный.)

«Шесть больших групп». Оба придут к решению представить и обсудить новую классификацию языков Северной Америки на собрании Американской антропологиче-

ской ассоциации в конце года, но в реальности это произойдет годом позже и на форуме другой ассоциации. Пока же Сэпир продолжит делиться свои разработками с коллегами. Первым в их ряду будет, естественно, Ф. Боас, реакция которого оказалась на удивление мягкой, но при видимом его спокойствии чувствовалось внутреннее напряжение (FB/ES 18.09.1920; Darnell 1990: 122):

«Я не думаю, что наши мнения на самом деле настолько различны, как это могло бы показаться постороннему <...>. Думаю, однако, что мы недостаточно знакомы с феноменами взаимного влияния языков в примитивной жизни, чтобы решить, имеем ли мы дело с постепенным развитием дивергенции, или же в целом языковые явления не следует рассматривать с одной и той же точки зрения, как и любые этнические явления <...>».

Вторым будет Р. Лоуи. В адресованном ему письме (ES/RL 09.09.1920; Lowie 1965: 39–40) гипотеза излагалась уже почти в законченном виде, а аргументация — даже полнее, чем в резюмирующей все итоговой публикации. Интересно, что параллельно Сэпир писал пятую главу своего «Языка», посвященную грамматическим значениям (форме в языке), одну из важнейших в теоретическом отношении. «Сейчас я заигрываю (I am flirting) с идеей предпринять небольшую работу по группировке всех американских языков (скажем, к северу от таасского или уабе), морфологически и генетически». Несмотря на всю амбициозность исследования, которое «должно представлять большой интерес для этнологов», обеспечив их «определенным историческим бэкграундом», оно вполне осуществимо, — «если есть метод». В отличие от Радина у Сэпира на этот момент он уже имелся.

«Шесть больших групп» это — эскимосско-алеутская, на-дene, алгонкино-вийот-юрок (с ними увязывались кутенэй и вакашко-сэлишско-чемакуаские), пенутийская (включая калифорнийскую и оregonскую группы, чинук, цимшиан), хокско-сиуская (т. е. хокские, юки, коауильтекский, керес, «группа читимаш» (Chitimach group), сиуско-маскоги-ючи и ирокезо-пони), юто-ацтекская (вместе с тейва-кайова?). — «На такой основе, если доказать ее достоверность, можно почти что увидеть перемещения населения». Правда, исчерпывающего доказательства опять не последовало; безусловно, основные силы и время отвлекала работа над книгой.

Глубокий контраст обнаруживался между пенутийской и хокско-сиуской большими группами: языки первой показывали тенденцию к флексивности, второй — к агглютинации. И эскимосско-алеутская, и на-дene, и хокско-сиуская объединяли сильно полисинтетические языки (две последние поместили в одну «подгруппу» также и Радин), но, по мнению Сэпира, это не означало их генетического родства. Подобно тому, как полисинтез чинук — скорее всего результат более позднего развития на совершенно иной аналитической основе, указанное явление могло появиться и в изначально корнеизолирующих языках на-дene («мне кажется это практически определенным»). Юто-ацтекские же могли оказаться плодом древнего смешения (old intermixture) пенутийских и хокско-сиуских, а алгонкино-вийот-юрок — специализированным боковым ответвлением (off-shoot) пенутийских.

Теперь он мог подытожить все свои наблюдения конкретных примеров ареального взаимодействия языков в Северной Америке: юки, отнесенный к хокско-сиуским, определенно подвергся некоторому пенутийскому влиянию; точно также, вероятно, и яна; наоборот, пенутийские майду и такелма находились под несомненным воздействием хокских; и во всех случаях прослеживалось шошонское влияние.

Уже на данном этапе Сэпир готов был сделать вывод о том, что примерно те же группировки можно выделить на основе фонетических данных. Так, эскимосско-алеут-

ские языки обладали лишь одним взрывным согласным — *p* (*f* и *Ɂ* являлись у них заимствованием); на-дene и хокско-сиуские — изначально тремя (*p'*, *b* и *p'*, причем губные часто отсутствовали, как в на-дene, так и в ирокезских), пенутийские определенно (*p?*, *p*), а алгонкино-вийот-юрок с долей вероятности (*p?*, **p*), — только двумя; юто-ацтекские — также двумя, но различавшимися по иному принципу (*p*, *pp*). Для него было очевидно также, что эскимосско-алеутская группа стояла особняком; сдвиг в на-дene и пенутийских осуществлен параллельно, но на потрясающем удалении друг от друга; алгонкино-вийот-юрок и пенутийские обнаруживали соответствие; юто-ацтекские обладали собственными особенностями.

Разумеется, в фонетической сфере также происходили «вторичные нарушения»: изначальные системы чумаш, салинских и юмских, по-видимому, упростились (вполне возможно, что под юто-ацтекским влиянием); в то время как у такелма наличествовали целых три серии (наличие в нем *p'*, как и инструментальных префиксов, объяснялось влиянием со стороны шастских); три серии развили квакиутль, но в отличие от родственных нутка и сэлишских.

Далее, в послании Фрэнку Спеку Сэпир лишь намекнет о своих «далеко идущих идеях», которые «поставят наших друзей-консерваторов на уши». Каждый из шести больших «стволов» — они вот-вот обретут окончательные очертания, — «как мне кажется, представляет собой генетическое единство» (ES/FS 09.10.1920; Darnell 1990: 123).

Последним предварительной версию «шести фил» получит Крёбер (ES/ALK 04.10.1920; Golla 1984: 347–351). К тому времени «Язык» будет уже почти готов, и его автор снова, но, как оказалось, ненадолго, вернется в полной мере к вопросам таксономии: «[Ч]увствую, что хочу решить действительно большую проблему. Как только моя маленькая книжка будет закончена, я планирую составить действительно исчерпывающий вопросник по морфологическим и фонетическим особенностям языков Мексики и Северной Америки» (ES/ALK 04.10.1920; Golla 1984: 347). Прежде всего, Сэпиру хотелось проследить распространение следующих черт: употребление синтаксических падежей, противопоставление глаголов активных и стативных, образование диминутива при помощи *-tsi* или *-si* и т. д. Только затем он планировал применить «лексические тесты», чтобы выверить получающиеся группы. — «[У] меня лучшее чувство перспективы, более четкое, чем у большинства других, представление о пережитках старого *vs.* развитиях вторичных черт. Пол, например, не может сделать эту работу по-настоящему убедительной, потому что не знает, как оценивать; все является рыбой в его сети» (ES/ALK 04.10.1920; Golla 1984: 347).

Очевидно, что головоломка Радина заставила-таки Сэпира задуматься о возможности более широкого генетического единства американских индейских языков: «[П]ризнаю определенные обещающие «протоамериканские» черты (такие как отрицательные [частицы] **ka*, **kci*; диминутив на **-tsi*; мест. 1-го лица ед. числа N-; множественное и фреквентативное *-l*)» (ES/ALK 04.10.1920; Golla 1984: 348). Вместе с тем в письме снова повторены шесть фил и примерно в том же составе. Сэпир по-прежнему не знал, куда включить зуны, у которого еще в 1915 г. Крёбер начал искать сиуские и хокские связи («Это ни юто-ацтекский, ни атапаский, ни алгонкинский. Я даже попробовал маскогские» — ES/ALK 28.11.1915; Golla 1984: 199). Против названия изолята керес — другого языка пуэбло, отнесенного к хокско-сиуским, Сэпир оставил пояснение — «решительно, судя по тому, что мне пишет Бояс». Он все еще колебался относительно статуса модок-молале-сахаптин, которые представлялись ему в это время либо переходными между филами пенутийской и юто-ацтекской, либо даже «выбросом» (outlier) последней.

В сравнении с вариантом, изложенным в письме Лоуи, языки Мексики теперь были действительно задействованы активнее. — «[П]редставь, майя может принадлежать к *F*

(т. е. хокско-сиуским — И. К.)» (ES/ALK 04.10.1920; Golla 1984: 349). Сэпир всерьез рассматривал гипотезу Радина (Radin 1919b) о принадлежности уабе к сёке-михе, считая также, что радинские материалы «доказывают абсолютно» сходство миштек-сапотек с отомй; а тарасский язык мог оказаться еще одним «выбросом» юто-ацтекской филы.

Как и в прошлый раз, Сэпир принялся фантазировать относительно более глубоких во временном отношении связей отдельных фил. Он снова предположил, что алгонкино-вакашские могли быть высокоспециализированным полисинтетическим ответвлением пенутийских; и что юто-ацтекские, возможно, происходили из «смешанного языка» (Mischsprache) — на основе пенутийского и хокско-сиуского. Но на-дene и в таком контексте стоял особняком (ES/ALK 04.10.1920; Golla 1984: 349).

Исследователя еще больше заворожило широкое распространение полисинтезизма в Северной Америке. Он продолжал настаивать, что само это явление возникало несколько раз и в различных местах — «генетически это не высокооцененный критерий, но выражает скорее определенную крайнюю тенденцию к синтетическому выражению, как бы мы ее ни объясняли», и «оно интересно скорее для психологии, чем для истории». Лично ему для текущих целей куда ценнее казалась такая «темная особенность», как явное преобладание корней на начальную гласную в чимарико, салинских, керес, помо, шаста, ирокезских и маскогских. Или же противопоставление местоимений переходных и непереходных, активных и стативных — для пенутийских языков почему-то характерно первое, тогда как для хокско-сиусских — второе.

Было повторено, что наименее полисинтетическими в Северной Америке и ближайшими к «нашему флексивному типу» являлись пенутийские. Как контраст, инкорпорирующий тип чинук, по Сэпиру, развился из сильно аналитической формы, которая была «сломана» (had broken down) влиянием языков типа такелма-кус. Подобным же образом в эскимосско-алеутских и алгонкино-вакашских полисинтезизм вырос вокруг старого флексивного ядра, а в на-дene развился на «аналитической не-флексирующей (можно сказать, изолирующей) основе, да, в самом деле»! Ведь синтетическая форма в тлинкит, хайда и атапаскских при анализе легко разбивается на односложные фрагменты, характеризующиеся значительной индивидуальной фонетической и функциональной самостоятельностью. — «[И] все же полисинтезизм на-дene — самых увлекательных из всех языков, когда-либо изобретенных, — в некотором роде выиграл собственную флексивную систему»! В то же время в хокско-сиуских он — явно агглютинативного типа. «Психически» полисинтетический яна отличался, «как солнце от луны», от формально такого же по типу такелма. «Разве это тройственное развитие (threefold development) полисинтезизма не составило бы изящный кусочек в лингвистической теории?» (ES/ALK 04.10.1920; Golla 1984: 349–350). Интересно, что в примере с яна и такелма мелькнуло сэпировское понимание связи языка и мышления вполне в духе рассуждений следующего десятилетия о лингвистической относительности.

На-дene и сино-тибетские языки. Октябрьское письмо Крёберу знаменательно также в другом отношении, поскольку однозначно показывает жгучее стремление Сэпира (после письма к Лоуи прошло меньше месяца) вывести «шесть фил» за пределы Северной Америки. С первых строк очевидно, что внимание Сэпира привлекли австро-незийская гипотеза В. Шмидта, статус мон-кхмерских языков и проч. И помимо новых мексиканских связей, рядом с эскимосско-алеутской семьей он поместил в скобках со знаком вопроса чукотско-корякскую, как, возможно, в нее входящую. Точно так же была осуществлена попытка перекинуть на Дальний Восток мостик от на-дene (ES/ALK 04.10.1920; Golla 1984: 350):

«Меня прямо сейчас заинтересовала еще одна большая лингвистическая возможность. Я с трепетом говорю о ней, хотя эту зародышевую идею носил с собой уже много лет. Я не считаю, что на-дene принадлежит к другим американским языкам. Я ощущаю ее, как крупную внедрившуюся общину (a great intrusive band), которая быть может разорвала старую эскимосско-вакашско-алгонкинскую непрерывность. И я решительно чувствую старую квази-изолирующую основу. Еще есть тон, который кажется старым (высокий и низкий) — я почти уверен, что тоном атабаскские и хайда подобны тлинкитскому. Короче, не считай меня ослом, коль я всерьез развлекаюсь идеей старого индо-китайского (сино-тибетского — И. К.) ответвления в Северо-западной Америке».

Сэпир отчитывался, что «уже просмотрел внимательно две тибетские грамматики <...> и нашел в тибетском языке почти того рода основу, из которой могла развиться генерализованная [семья] на-дene». Дальше перечислялись первые примеры сходств: тибетские постпозитивные *ta* ‘в’ и *di* ‘к, у’ используются для подчинения глагола, точно так же как в атапаских и тлинкитском языках; как в тлинкитском, так и в тибетском переходный глагол как таковой явно пассивен; в тибетском каузативные или переходные глаголы отмечены префиксом *s-*, в языке тлинкит — *si-*; аблaut атапаского-тибетского глагола практически повторяет соответствующую парадигму тибетского (наст. время — *byed* ‘делаю’, претерит — *byas*, будущее — *bya*, повел. накл. — *byos*):

«Я грежу? По крайней мере, я знаю, что дене гораздо ближе к тибетскому, чем к сиускому. Такие вещи, как инструментальные префиксы, с которыми так много возился Пол, никуда нас не приводят, поскольку префиксы на-дene этого типа — просто поздние композиции и даже не согласуются между собой (практически любое существительное могло бы стать инструментальной приставкой; что до этого, так полагаю, что китайский способен на любые вещи, как то, огонь [+]убивать, «убивать огнем»). Всем этим скорее озадачен».

Р. Дарнелл продвигает взгляд, согласно которому само обращение к возможным китайским связям на-дene произошло благодаря сотруднику Джесуповской экспедиции Бертольду Лауферу, четырежды побывавшему в Китае и являвшемуся, в сущности, единственным тогда в Соединенных Штатах профессиональным китаеведом и тибетологом (Darnell 1990: 127–131). Правда в ранней книге о Сэпире она называет письмо своего героя к Лоуи от 15 февраля 1921 г. «первым явным заявлением» (the first explicit statement) так называемой индо-китайской гипотезы. В подтверждение этой же мысли на последующих страницах она ссылается на сэпировские контакты с Лауфером после указанного срока. При этом, видимо, по недоразумению, несколько предложений из более раннего, разбираемого нами письма Сэпира к Крёберу дословно перенесено у Дарнелл в цитату из письма его же Лауферу от 1 октября 1921 г., ср.: “*I do not feel that Na-dene belongs to the other American languages*” (“Я не считаю, что на-дene принадлежит к другим американским языкам”); “*I feel it as a great intrusive band*” (“Я ощущаю ее, как великую внедрившуюся общину”); “*<...> do not think me an ass*” (“<...> не считай меня ослом”) и проч. (Darnell 1990: 128).

Далее она изображает все так, будто Крёберу предположение о родстве на-дene с языками Азии покажется крайне неубедительным, он станет тянуть с ответом, откликнувшись лишь после деликатного напоминания своего приятеля и то больше соблюдая политес. Но это якобы снова произойдет только в 1921 г.: 24 ноября — повторное письмо Сэпира, затем 26 ноября — запоздалый отклик Крёбера (Darnell 1990: 129). В действи-

тельности же крёберовский ответ с реакцией по всем буквально пунктам, хоть и в присущей ему краткой, афористичной манере, последовал еще в декабре 1920 г. В нем, в частности, калифорнийский антрополог склонял Сэпира включить в алгонкино-вакашскую филу еще один возможный изолят — вымерший язык беотук о-ва Ньюфаундленд: «*Предполагаю, что эти люди были ранней ветвью алгонкинов, которые изолировались на острове, и к тому времени, когда к ним присоединилась более поздняя волна (алгонкиноязычных микмак — И. К.), они значительно разошлись*». При этом проблеме родства на-дене посвящался отдельный абзац, содержащий наряду с другими такие откровения и гиперболы (ALK/ES 27.12.1920; Golla 1984: 358):

«У меня было бы меньше веры в твои открытия, если бы ты объединил их с чем-то американским. Что касается азиатского происхождения на-дене, я слишком невежествен, чтобы обладать мнением, хоть и сильно чувствую предельно моносиллабический и, по существу, изолирующий характер атабасских».

Ясно, что «индо-китайская» гипотеза родилась до, а не после декабря 1920 г., когда предварительные результаты вынашиваемого семь лет проекта по группировке североамериканских языков были публично представлены на чикагском собрании Американской ассоциации содействия развитию науки. В более современных работах Дарнелл вроде бы устраняет допущенную оплошность и даже приводит очередное письмо — от 3 октября 1920 г. К. Уисслеру, неопровергимо доказывающее, что Сэпир обсуждал-таки уже тогда наиболее смелую из своих догадок. Как он сам заявлял, его вряд ли бы удивило, что пра-сино-тибетский, «изначально северный язык, на расстоянии броска камня от определенных индивидов, которые должны были совершить путешествие в Северную Америку», может обнаруживать столько близости с на-дене. — «Быть может не зря индейцы цимшиан говорят, что хайда звучит как китайский» (Darnell 2021: 167–168)!

«Взгляд с высоты птичьего полета». Итак, на собрании Американской ассоциации содействия развитию науки ничего не будет сказано по поводу китайско-тибетского родства на-дене. В последний момент антропологи, участвовавшие в форуме, перенесут свою встречу в Балтимор, Сэпир же поедет в Чикаго, как и планировалось изначально. Это и есть причина, почему в аудитории собирается немного подлинных знатоков вопроса. Чикаго был важен для него, подчеркивает Дарнелл, из-за желания встретиться с Лауфером и продолжить обсуждение связей языков Старого и Нового Света. Сэпир назовет свой доклад «Взглядом с птичьего полета на американские языки к северу от Мексики». Главные выводы выступления будут проиллюстрированы и суммированы в виде карты и таблицы новых семей (Darnell 1990: 123):

I. Эскимосско-алеутская			
II. Алгонкино-вакашская:			
1.	Алгонкино-ритвская: (1) алгонкинская (2) беотук (?) (3) ритвская: (a) вийот (б) юрок	2.	Кутенэй
		3.	Мосская («мосанская», Mosan, resp. Wakashan-Salish): (1) вакашская (квакиутль-нутка) (2) чимакуаская (3) сэлишская

Таблица 1. Шесть языковых фил в Северной Америке, вкл. Мексику (по Э. Сэпиру)

		III. На-дене:	
1.	Хайды	2.	Континентальные на-дене: (1) тлинкит тлингит (Tlingit) (2) атапаскская атабаскская (Athabascan)
IV. Пенутийская:			
1.	Калифорнийские пенутийские: (1) мивок-костаноская (2) йокатс (3) майду (4) винтун	3.	(3) калапуйя Чинук
2.	Орегонские пенутийские: (1) такелма (2) береговые орегонские пенутийские: (а) кус (б) сайусло (в) яконские	4.	Цимшиан
5. Пенутийские Плато (Plateau Penutian): (1) сахаптин (2) вайилатпу (молала-кайюс) (3) лутуами (кламат-модок)			
6. Мексиканские пенутийские: (1) михе-соке (2) уаве, уабе (Huave)			
V. Хокско-сиуская («хока-сиу», Hokan-Siouan):			
1.	Хокско-коауильтекская: А. Хокская: (1) северные хокские: (а) карок, чимарико, шаста-ачомави (б) яна (в) помо (2) вашо (3) эсселен-юмские: (а) эсселен (б) юма (4) салинско-серы: (а) салинские (б) чумаш (в) сери (5) текистлатекские (чонталь) Б. Субтиава-тлаппанек (Subtiaba-Tlap(p)anec): В. Коауильтекские: (1) тонкава (2) коауильтеко:	2.	(а) собственно коауильтеко (б) котонаме (в) комекрудо (3) каранкава 2. Юки 3. Керес 4. Туникская: (1) туника-атакапа (2) читимаша 5. Ирокезо-кэддоская: (1) ирокезские (2) кэддоские 6. Восточная группа: (1) сиуско-ючи: (а) сиуские (б) ючи (2) натчез-маскогские: (а) натчез (б) маскогские (в) тимуква (?)
VI. Ацтекско-танская («ацтекско-танская», Aztec-Tanoan):			
1.	Юто-ацтекская: (1) науатль (2) пима (3) шошонские	2.	Кайова-танская: (1) таноский (2) кайова 3. Зуньи (?)

Таблица 1 (продолжение). Шесть языковых фил в Северной Америке, вкл. Мексику (по Э. Сэпиру)

Эскимосско-алеутские — языки полисинтетические и флексивные; последовательно суффигирующие. В них хорошо развиты формальные аспекты глагола (наклонение, лицо); фундаментальное значение имеет переходность/непереходность; наличествуют локатив и два синтаксических падежа. Существительные во множественном числе и местоименные элементы обладают формальным, а не только материальным значением. Отсутствуют: редупликация, внутренняя модификация корня и словосложение (именная инкорпорация).

Алгонкино-вакашские — языки полисинтетические и флексивные, из них вакашские — преимущественно суффигирующие. В отчетливо флексивных алгонкинских тоже имеются суффиксы, как глагольные (модальные и местоименные), так и именные (показатели рода, числа и обвиатива); причем они намного старше префиксов, которые по происхождению — очевидно, проклитики. Вакашские явно менее флексивны, но допускают важные внутрикорневые модификации. И в тех, и в других глаголы классифицируются как субъектные и объектные; падежи едва ли представлены (обвиатив выражен синтаксическим падежом, и вроде бы есть еще один местный падеж). Хорошо развита редупликация, словосложение же в обычном смысле отсутствует (частично присуще алгонкинскому глаголу), инкорпорация — умеренная, в алгонкинских. Весьма богаты второстепенные элементы, «суффиксы» с конкретным значением: локативным, инструментальным, адвербиальным, собственно глагольным.

На-дене — языки слабо полисинтетические, изолирующие в своей основе, выработавшие, однако, квази-флексивность; умеренно суффигирующие, если принимать в расчет бытование определенных частиц в роли «префиксов», в особенности в хайда. Речь об односложных элементах, расположенных в определенном порядке, которые сливаются скорее психологически, чем морфологически; ««слово» здесь фактически находится на полупути между коротким предложением и подлинным словом». Не происходит никакой настоящей спайки корня и прикрепленных элементов, если только не образуются новые основы. Истинная основа — односложная, типа C + V (вероятно, также C + V + носовой). Вторичные фонетические процессы вызвали развитие глагольных форм, но слияние субъекта (местоимения) с модальными «префиксами» в действительности не зависит от изменений основы глагола. Важны «залог» и «аспект», время не столь принципиально. Глаголы делятся на активные и стативные (включая переходный объект и пассивный субъект). Хорошо развиты послелоги, преимущественно именного происхождения. Композиция тщательно разработана. Нет никакого редуплицирования или формального развития рода, падежа, числа. Послелоги участвуют в образовании «относительных» форм, а также в номинации глагольных форм. Наличствуют тоны, высокие и низкие.

Пенутийские — языки не полисинтетические, а флексивные; в первую очередь используют суффиксы; префиксы, если даже и встречаются, имеют явно вторичное происхождение. Суффиксальные элементы несут почти исключительно формальное значение и тесно спаяны с корнем. Местоименные суффиксы, элементы, указывающие на падеж, множественное число, время и аспект, а также на залог (глагола) придают формальный вид словам. Исключительно важны внутрикорневые изменения, включая редупликацию (иногда концевую) и наращение гласной. Наиболее характерны корни типа C + V + C₁ + V. Инкорпорация обычно не развивается, в целом глагол не терпит никаких усложнений; композиция либо отсутствует, либо развита весьма умеренно. Глаголы классифицируются на (субъектно) непереходные и (субъектно) переходные и на объектно переходные — вероятно, изначально особую, третью категорию. В такелма, майду и винтун присутствуют тоны, по-видимому, восходящего-нисходящего типа; значение их еще не ясно. Чи-

нук представляет самостоятельное полисинтетическое развитие на основе разрушенного пенутийского аналитизма. Приверженность их группе очевидна из лексических данных иrudиментарных особенностей. Цимшиан находился под сильным влиянием алгонкино-вакашских языков.

Хокско-сиуские — языки полисинтетические и агглютинативные; в них практически отсутствует какая-либо тенденция к флексивности, несмотря на формальную детализацию и случайные внутрикорневые модификации. Представлены как префиксы, так и суффиксы, но характерны первые в виде более формальных элементов, в особенности местоименных (в глаголе). — «*Яна обладает вторичными чертами*». Вообще же способы аффиксации чрезвычайно многообразны, особенно в хокских, где имеются инструментальные префиксы (как и в сиуских), локальные суффиксы и вторичные глагольные корни, основанные на древнем сложении. Глаголы бывают активными и стативными (чимарико, сиу, ирокезские). Обычны послелоги. В этой «группе» прекрасно развились инкорпорация и настоящее словосложение, однако, редупликация не настолько типична, как в алгонкино-вакашских и пенутийских языках, и в ряде случаев вовсе отсутствует. Внутрикорневые модификации вообще не обнаруживаются, за исключением яна. Наиболее частотны корни типа $V + C + V_1 (+ C_1 + V_2)$. Восходящие и нисходящие тоны отмечены в ачомави, мохэви, вероятно, в помо, но они нуждаются в дальнейшем изучении.

Ацтекско-танские — языки умеренно полисинтетические и в лучшем случае слабо флексивные; суффигированные. Префиксы — либо бывшие проклитики, либо старые сложные корни. Суффиксы — формального значения, как и в пенутийских языках. «*Возможно, полисинтетичность [ацтекско-танских] сформировалась на основе IV [пенутийской] с помощью процессов простого сложения, и может быть благодаря контакту с V [хокско-сиускими]. Глагол: субъектно-объектный как в II [алгонкино-вакашских], заметно отличающийся от I-IV, III-V*». Частое явление представляет редупликация, как и инкорпорация и словосложение. Довольно обычны послелоги. Резко различаются имя и глагол. Падежи развиты, но слабо. — «*Все во всем, скорее смешанного, а не специализированного типа*». Характерным типом корня является $C + V + C_1 + V_1$. Тоны зафиксированы в языках кайова-тансской ветви, но их роль до сих пор непонятна.

Чувствуется, что характеристики перечисленных типов пропитаны идеями только что завершённой Сэпиром книги «*Язык*». Ключевая из них — дрейф языка. Очевидно, в голове он держал своего рода заготовки профилей исторического развития для каждой из выделенных семей, увы, так нигде детально и не раскрыты, тем более обоснованные привычными для компаративистики средствами, будь то «*лексические тесты*» или надежно восстанавливаемые фонетические закономерности. Так, он упрямо трактовал ацтекско-тансскую филу как смешанную по происхождению. И в этой связи интересна еще одна авторская ремарка (Sapir 1990–2008, vol. 5: 86): «*Впечатляет меня (пра-ацтекско-танский язык — И. К.), как старый пенутийский, на который плотно наложился хокский (тот же процесс, который имел место в майду, но бесконечно более древний)*».

В своем ответе непосредственно на радиинскую гипотезу, америндскую, как сейчас ее принято обозначать, Сэпир продвинул не сильно, лишь четче сформулировав четыре «протоамериканские» черты, которые вчера перечислял уже в письме Крёберу: «1. Постоянство n - ‘я’, m - ‘ты’. 2. Отрицательные ka , ku . 3. Длительно-множественно-итеративное $-l$. 4. Уменьшительное $-si$, $-tsi$ » (Sapir 1990–2008, vol. 5: 86). Он допускал, что три семьи из шести — эскимосско-алеутскую, алгонкино-вакашскую и пенутийскую — в будущем можно будет объединить в группировку более высокого уровня, но это не касалось на-дене. Видно также, что он по-прежнему сомневался в оправданности выделения хокско-сиуской (Sapir 1990–2008, vol. 5: 86): «*Группа показывает скорее малую стабильность*».

О некоторых колебаниях во взглядах Сэпира на вариант классификации, впервые представленный академическому сообществу, свидетельствуют корректизы, внесенные его рукой уже в готовый машинописный текст доклада, точнее в таблицу. Прежде всего, им была добавлена, в основном следуя Радину, новая категория «Расширения в Ц. Америку»: «пенутийские: *михе-соке, <Ниано> (убе)??, шинка?? <...>* Хокско-сиуские: *майя, отоми-миштек-сапотек*». И наоборот, категория «Неразмещенные» подлежала ликвидации: беотук добавлен к алгонкино-ритвским языкам, зуны — к ацтекско-таноским, сахаптин-вайилатпу-лутуами — к пенутийским, при этом кламат выведен из вайилатпу в отдельную группу — лутуами. Дальше исследователь изменил вайот-юрок на «ритвские» и соответственно «алгонкинские» — на «алгонкино-ритвские». В рамках пенутийской филы костаноская группа была объединена с мивок, а чинук (первоначально — в составе т. н. орегонских пенутийских) получил статус отдельной сестринской ветви. Но больше всего изменения касались хокско-сиусских языков: хокские и коауильтекские соединялись вместе; чумаш-юмские (в составе хокских) разъединялись (чумашские сближались с салинскими и сери, юмские — с эсселен); яна все-таки был добавлен в группу северных хокских. Точно так же атакапа с туника теперь образовывали более тесное, чем с читимаша, единство внутри туникской ветви. К ним Сэпир подтянул ирокезо-кэддоские, которые прежде стояли в самом конце списка, на противоположном краю от хокских, и таким образом место, наиболее удаленное от последних, досталось сиуским, ючи и маскогским, поименованным в совокупности «восточной группой». К маскогским он причислил также натчез и малоизвестный язык тимуква, вымерший еще при испанцах; а нутка, вашо и шошонские языки выделил, обведя соответствующие названия кружками, так никогда и не прояснив почему. Финальной фразой конспекта стало оптимистическое: «*Движения населения должны быть выявлены с помощью лингвистического исследования*» (Sapir 1990–2008, vol. 5: 91–92).

«Взгляд с высоты птичьего полета» не был бы презентован столь поспешно, если бы не вызов, брошенный Радином, нуждавшийся в какой-то реакции. Многое из изложенного в докладе предстояло годами кропотливо дорабатывать, и непосредственно вслед за чикагским мероприятием Сэпир ограничился лишь публикацией анонса в *“Science”* в 60 строк, из которых 20 занимала таблица (Sapir 1921a: 408), в точности, как раньше делал Харрингтон и он сам, когда возникла необходимость срочно застолбить идею о принадлежности вашо к хокским языкам и галфским к хокско-сиуским. Публикация отражала менее продвинутую версию, резюмируя текст доклада, которого еще не коснулись авторские правки, поэтому в ней сохранились отдельно хокская и коауильтекская ветви, не были распределены по семьям изоляты зуны, беотук и сахаптин-вайилатпу-лутуами, как и отсутствовали названия «ритвская» и «восточная» — последнее применительно к объединенной сиуско-ючи-маскогской ветви.

Отчасти в ближайшее пятилетие Сэпир на самом деле займется обоснованием намеченных ранее генеалогических гипотез. Не считая истории с хокско-коауильтекским родством, другими такими сюжетами будут: фонология и фонетические законы, тоны, типы корней, суффиксация; исконная лексика языков, место которых в классификации все еще оставалось шатким: салинских, северного яна, ритвских в Калифорнии, хайда и чинук на Северо-западном побережье, субтиава в Никарагуа и др. (Sapir 1921c, 1922, 1923a, 1923b, 1925a, 1925b, 1926). Всего лишь через полтора месяца после Чикаго он спешил сообщить Лоуи о достигнутом прогрессе в исследовании возможных внешних родственных связей на-дене (ES/RL 15.02.1921; Lowie 1965: 44–46):

«<...> [С]читаю само собой разумеющимся, что Америка была заселена рядом исторически различающихся волн. В настоящее время я придерживаюсь мнения, что

волна на-дене является самой поздней из всех по целому ряду причин, среди которых не менее интересным является тот факт, что она наиболее резко контрастирует с эскимосскими и южными языками. <...> Мои представления об этих языках постепенно проясняются, и я предвкушаю самое увлекательное задание по распутыванию истории группы».

Вроде бы процедуре такого «распутывания истории» больше ничего не должно мешать. Сэпир будет убежден в том, что результаты получены им с соблюдением всех научных требований, и что именно его методике присуща особая глубина и широта видения в сравнении с инструментарием, которым пользовались его современники — европейские компаративисты, например, Карл Майнхоф: «[Н]е могу полностью следовать Майнхофу. <...> Я решительно не думаю, например, что он доказал, что фуль и готтентотский хамитские. <...> [М]ой собственный материал на-дене гораздо более консервативен, чем материал Майнхофа» (ES/RL 15.02.1921; Lowie 1965: 44–46). А уже осенью он в азарте раскроет Крёберу свои ближайшие планы на этот счет: «Давно хотел написать тебе о на-дене и индо-китайском, но мои сведения накапливаются так быстро, что тяжело сесть и выдать идею» (ES/ALK 01.10.1921; Golla 1984: 374). Сэпир намеревался реконструировать атапаский язык и подготовить сравнительное исследование на основе уже собранной им лексики, представляющей все ветви на-дене — «около 300 сопоставимых радикальных элементов, к которым я постоянно добавляю». Две другие части воистину титанического труда должны быть посвящены морфологии и фонологии, но прежде он собирается «опубликовать специальные статьи по избранным частям грамматики на-дене, например, некоторым архаичным послелогам; или указательным основам; или общим моментам синтаксиса» (ES/ALK 01.10.1921; Golla 1984: 376).

В это особенно длинное письмо, машинописная копия которого будет послана Лайферу, войдет не только изложение проектов, несбыточных, как ясно сегодня, но также примеры когнитов, скажем, почти очевидных: тлинкит *k'a* ‘поверхность’, навахо *k'ā* ‘то же’, тибет. *k'a* ‘то же’; кит. *t'an* ‘уголь’ и хайда *s-t'an* ‘то же’; др.-кит. *ti* ‘фазан’ и атапаское *di* ‘куропатка’ и т. д. и т. п. — правда числом всего 5, но «[Э]то только капля в море» (ES/ALK 01.10.1921; Golla 1984: 376). Антрополог сосредоточил свою энергию на развенчании предубеждений («камней преткновения»), более всего мешающих признанию его открытия, которых насчитывал тоже три — это «[Н]еспособность осознания того весьма исключительного типа языка, к которому принадлежит на-дене»; и «что языки на-дене и на третью не настолько синтетические, как кажется»; как и предубеждение относительно «природы самого индо-китайского языка». Он повторял, не уставая: контраст между языками на-дене и эскимосскими, алгонкино-вакашскими и проч. просто огромен. И ему очень хотелось доказать изначальный корнеизолирующий характер на-дене на манер китайского, и что предшественники, например, Дж. Суантон, работавший с тлинкит, переусердствовали по части выделения в них аффиксов, которые в действительности являются собой независимые корни, даже «маленькие глаголы». Китайский же язык представляет «весыма вторичное развитие», поэтому более раннюю стадию куда лучше отражает тибетский, действительно похожий на на-дене. В нем, как и в хайда, помимо морфологических сходств, которые Сэпир уже отмечал годом ранее, фундаментальную функцию выполняет имя, а глагол — не более чем деноминативная структура (ES/ALK 01.10.1921; Golla 1984: 376):

«[Ч]тение тибетского текста дает тебе то же ощущение, что и чтение текста на хайда. <...> [С]ходство в ощущениях между тибетским и на-дене, по крайней мере, как между латынью и английским, а может и ближе».

Но были в послании и такие строки, которые свидетельствовали, что его автора, выражаясь словами Краусса, «занесло далеко за пределы любых объективно оправданных выводов» (Krauss 1973: 963; Sapir 1990–2008, vol. 6: 139). Так в постскриптуме Сэпир писал, можно представить, задыхаясь от волнения, как наткнулся на своеобразный «групповой параллелизм» (sort of group-parallelism) больших семантических гнезд корней **lu*, **li*, предположительно общих для языков обеих сверхсемей — «не могу устоять перед искушением дать как-то поживее идею о замечательном способе, которым лексические элементы переплетаются в на-дene и индо-китайских» (ES/ALK 01.10.1921; Golla 1984: 377).

В любом случае многое из этого выглядело весьма перспективно. Однако из запланированной серии публикаций, как частенько бывало у Сэпира, выйдет всего лишь сравнительно небольшая статья об образовании в атапасских языках относительных форм прилагательных, в сущности, отлагольных, с помощью т. н. модальных префиксов, по крайней мере часть которых имелась и в сино-тибетских (Sapir 1923c). Итогом же пятилетней работы станет опять-таки заметка в приложении к *“Science”* репортажного типа (Sapir 1925c: xiii):

«Д-р Сэпир открыл не только то, что индейцы групп надине (the Nadine groups) говорят с тональным акцентом, повышающим или пониждающим голос, <...> сходным с тоновыми особенностями в раннем китайском, но также, что значение определенных слов идентично. Далее, он обнаружил факт, что индейцы сохранили префиксы и суффиксы, которые давно исчезли из китайской речи, но явно различимы в ранних формах».

Совсем скоро исследователь войдет в турбулентный период. Уже в постскриптуме письма про «индо-китайскую» гипотезу он делился, что его супруге, болевшей последние годы, «до сих пор еще не хорошо, и она может быть никогда не будет прежней». «Эта мысль бросает тень на все мои планы и надежды» (ES/ALK 01.10.1921; Golla 1984: 382). В 1924 г. Флоренс Сэпир не станет. Эдуард подружится с Рут Бенедикт и заведет скоротечный роман с Маргарет Мид, затем рассорится с обеими. В 1925 г. к большой радости он получит-таки место ассоциированного профессора в Чикагском университете. Там антрополог продержится очередное пятилетие, чтобы затем уехать в Йель — финальный пункт своей карьеры и жизни.

В последние 15 лет Сэпир превратится из теоретика преимущественно в эмпирика, интересующегося частными вопросами изучения американских индейских языков. Когда в 1929 г. ему предстоит написать статью о языках Северной и Центральной Америки для Британской энциклопедии (Sapir 1929), Сэпир не найдет ничего лучшего, чем просто изложить кратко свой доклад 1920 г. Никаких новых данных и идей. После этого он, насколько известно, никогда не вернется к языковой классификации, а по утверждению Мэри Хаас (Haas 1964; Voegelin, Voegelin 1977: 310), будет, по крайней мере, одну из своих шести фил, хокско-сиусскую, вообще называть годной разве что для мусорной корзины (*“wastepaper basket” group*).

К проблематике систематизации индейских языков охладеет также Крёбер, долгое время служивший для Сэпира сильнейшим внешним стимулом. Начиная с 1924 г. он вовлечется в месоамериканскую, а затем андскую археологию. Не успокоится только Радин, тоже поменявший несколько университетов, но к 1930 г., относительно прочно осевший в Беркли.

«Решение проблемы языков американских индейцев». В Американском философском обществе среди бумаг Чарльза Вогелина сохранился примечательный документ

под названием “Solution of the American Indian Language Problem”, (APS, MSS. MS. COLL. 68). В нем на двух страничках расписаны возможные генетические и исторические связи ряда семей индейских языков:

«A. Первичный — хокский субстрат

B. Канадская группа языков (алгонкин, кутенэй, вакашские, сэлиш). Из них алгонкин наиболее ранний по времени.

B'. Вторичная дифференциация вышеперечисленных через перемешивание с хокским и некоторые новые развиия, дающие группу

b' Цимшиан, чинукский, такелма калифорнийские пенутийские и эти последние путем перемешивания со вторичным хокским, дающие

b" Юто-ацтекский

C. — Некий тибето-китайский язык, взятый на $\frac{3}{4}$ в C. III. A.

c' — Атапаскский, отмеченный перемешиванием с языком Бр. Колумбии, т. е. вакашско-сэлиши на хокском субстрате

c" — Хайда-тлинкит, как вышеперечисленный, но с меньшим хокским субстратом

D. Прямое влияние или вторжение китайского ок. 700–500 гг. до н. э., дающее тлаппанек, сапотек-миштек, масатек, чинантек, чьяппанек, субтиава [–] все они на различных хокских или хокско-пенутийских субстратах

Пол Радин»

Очевидно, принимая допущение Сэпира о вероятном смешанном происхождении некоторых языков и языковых семей, по крайней мере, ацтеко-тансской филы, этот неутомимый пионер в установлении дальнего лингвистического родства пойдет значительно дальше и предложит аналогичные скрещенные модели также для цимшиан, чинукских, такелма и др. Так, согласно новой радинской схеме, впрочем построенной, видимо, целиком на интуиции, как и первая, атапаскские — плод от скрещивания «некоего тибето-китайского» и вакашско-сэлишского. Почти везде он обнаружит хокский субстрат. Надо полагать, хокская семья казалась ему наидревнейшим реликтом в Новом Свете, а несколько мелких семей и изолятов в Мексике — наоборот следами самого позднего передвижения населения из Азии (Китая), практически уже в историческое время. «Китай», «китайский», как и «США» названы так для простоты, и, разумеется, под ними подразумевались реалии соответствующих, куда более древних эпох. Вслед за хокскими в Америке оказались алгонкино-москес(-вакашские) языки, а в результате смешения тех и других появились пенутийские (калифорнийские, оregonские, цимшиан и чинук), которые, еще более смешавшись с хокскими, дали начало юто-ацтекским. Что касается на-дene, то исследователь противопоставлял скрещенные, по его мнению, атапаскские тлинкитскому и хайда «с меньшим хокским субстратом». Обновленная версия классификации Радина датируется 23 февраля 1933 г. За ним и будет последнее слово.

Поразительно, но теории «таксономистов» описанного периода представлены в эпистолярном жанре больше, чем в журнальных статьях! Многие важные идеи так и дошли до нас в неразвернутом виде, и при жизни ученых были лишь продекларированы ими. Среди неопубликованного наследия находится, например, дене-китайский словарь Сэпира, включающий более 100 лексических сравнений, который до сих пор хранится в библиотеке Американского философского общества (MS. 497.3 B63c Na20a.3, vol. 2). Будущие исследования позволят определить научную значимость этих и других собранных в те годы данных и верифицировать многие из высказывавшихся предположений. Однако уже сейчас видно, что некоторые из концепций, по крайней мере, Сэпира и Радина, толковались искаженно именно в силу крайне тезисного характера соответствующих публикаций.

Список сокращений

ALK/ES — Alfred Louis Kroeber to Edward Sapir; ALK/Gifford — Alfred Louis Kroeber to Edward Gifford; APS — American Philosophical Society; ES/ALK — Edward Sapir to Alfred Louis Kroeber; ES/FS — Edward Sapir to Frank Speck; ES/RL — Edward Sapir to Robert Lowie; FB/ES — Franz Boas to Edward Sapir; PR/ES — Paul Radin to Edward Sapir.

References

- Achilli, Alessandro et al. 2003. Reconciling migration models to the Americas with the variation of North American Native mitogenomes. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America* 110(35): 14308–14313.
- Bell, Amelia R. 1990. Separate people: speaking of Creek men and women. *American Anthropologist* 92(2): 332–345.
- Boas, Franz (ed.). 1911. *Handbook of American Indian Languages. Part 1. (Bulletin 40, Bureau of American Ethnology)*. Washington: Government Printing Office.
- Brinton, Daniel G. 1901. *The American race: a linguistic classification and ethnographic description of the Native tribes of North and South America*. Philadelphia: David McKay.
- Buckley, Thomas. 1996. “The Little history of pitiful events”. The epistemological and moral contexts of Kroeber’s Californian ethnology. In: George W. Stocking, Jr. (ed.). *Volksgeist as Method and Ethic: Essays on Boasian Ethnography and the German Anthropological Tradition (History of Anthropology 8)*: 257–297. Madison: The University of Wisconsin Press.
- Campbell, Lyle. 1997. *American Indian languages: The historical linguistics of North America*. New York / Oxford: Oxford University Press.
- Darnell, Regna. 1990. *Edward Sapir: linguist, anthropologist, humanist*. Berkeley / Los Angeles / London: University of California Press.
- Darnell, Regna. 1998. *And along came Boas: Continuity and revolution in Americanist anthropology*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Co.
- Darnell, Regna. 2021. *The history of anthropology. A critical window on the discipline in North America*. Lincoln: University of Nebraska Press.
- Dixon, Roland B., Alfred L. Kroeber. 1919. *Linguistic families of California*. (*University of California Publications in American Archaeology and Ethnology* 16). Berkeley: University of California Press.
- Dixon, Roland B., Alfred L. Kroeber. 1903. The Native languages of California. *American Anthropologist* 5(1): 1–26.
- Dixon, Roland B., Alfred L. Kroeber. 1913a. Relationship of the Indian languages of California. *Science* 37(945): 225.
- Dixon, Roland B., Alfred L. Kroeber. 1913b. New Linguistic families in California. *American Anthropologist* 15(4): 647–655.
- Gibbons, Ann. 2012. Genes suggest three groups peopled the New World. *Science* 337(6091): 144.
- Golla, Victor. 2003. Ishi’s language. In: Karl Kroeber, Clifton Kroeber (eds.). *Ishi in three centuries*: 208–228. Lincoln / London: University of Nebraska Press.
- Golla Victor (ed.). 1984. *The Sapir-Kroeber correspondence. (Survey of California and Other Indian Languages 6)*. Berkeley: University of California Press.
- Haas, Mary R. 1944. Men’s and women’s speech in Koasati. *Language* 20: 142–149.
- Haas, Mary R. 1964. California Hokan. In: William Bright (ed.). *Studies in California linguistics (University of California publications in linguistics* 34): 73–87. Berkeley: University of California Press.
- Harrington, John P. 1910. On phonetic and lexic resemblances between Kiowan and Tanoan. *American Anthropologist* 12(1): 119–123.
- Harrington, John P. 1913. [Note on Chumashan and Yuman relationship]. *American Anthropologist* 15(4): 716.
- Harrington, John P. 1917. Work of Mr. John P. Harrington [Note on Washo and Chumashan relationship]. *American Anthropologist* 19(1): 154.
- Jany, Carmen. 2009. *Chimariko grammar. Areal and typological perspective (University of California publications in linguistics* 142). Berkeley / Los Angeles / London: University of California Press.
- Krauss, Michael E. 1973. Na-Dene. In: Thomas A. Sebeok (ed.). *Linguistics in North America (Current trends in linguistics* 10): 903–979. The Hague: Mouton.

- Kroeber, Alfred L. 1913. The Determination of Linguistic Relationship. *Anthropos* 8(2): 389–401.
- Kroeber, Alfred L. 1915. Serian, Tequistlatecan, and Hokan. *University of California publications in American archaeology and ethnology* 11(4): 279–290.
- Kroeber, Alfred L. 1925. *Handbook of the Indians of California*. Washington, D. C.: Government Printing Office.
- Kroeber, Alfred L. 1954. Robert Spott 1888–1953. *American Anthropologist* 56(2): 282.
- Kroeber, Theodora. 1961. *Ishi in two worlds*. Berkeley: The University of California Press. [Russian Translation: Kroeber, Teodora. 1970. *Ishi v dvu mirax. Biografija poslednego predstaviteľa indejskogo plemeni jana*. Moscow.]
- Kroeber, Theodora. 1970. *Alfred Kroeber. A personal configuration*. Berkeley / Los Angeles / London: University of California Press.
- Lowie, Robert H. (ed.). 1965. *Letters from Edward Sapir to Robert H. Lowie*. Berkeley, California (mimeo).
- Pope, Saxton T. 1920. The medical history of Ishi. *University of California publications in American archaeology and ethnology* 13(5): 175–213.
- Powell, John W. 1891. Indian Linguistic Families of America North of Mexico. In: *Annual Report 7, Bureau of American ethnology*: 1–142. Washington, D. C.: Government Printing Office.
- Radin, Paul. 1919a. The genetic relationship of the North American Indian languages. *University of California publications in American archaeology and ethnology* 14(5): 489–502.
- Radin, Paul. 1919b. The genetic relationship of Huave and Mixe. *Journal de la Société des Américanistes* 11: 489–499.
- Radin, Paul. 1924. *Wappo texts, 1st series* (*University of California publications in American archaeology and ethnology* 19). Berkeley: University of California Press.
- Rohner, Ronald (ed.). 1969. *The ethnography of Franz Boas: Letters and diaries of Franz Boas written on the Northwest Coast from 1886 to 1931. Compiled and edited by R. Rohner. With an introduction by Ronald Rohner and Evelyn Rohner. Translated by Hedy Parker*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Sapir, Edward. 1911. Review of R. Dixon: “The Chimariko Indians and language”. *American Anthropologist* 13(1): 141–143.
- Sapir, Edward. 1913a. Wiyot and Yurok, Algonkin languages of California. *American Anthropologist* 15(4): 617–646.
- Sapir, Edward. 1913b. Southern Paiute and Nahuatl, a study in Uto-Aztekan, I. *Journal de la Société des Américanistes* 10(2): 379–425.
- Sapir, Edward. 1915a. The Na-dene languages, a preliminary report. *American Anthropologist* 17(3): 534–558.
- Sapir, Edward. 1915b. Southern Paiute and Nahuatl, a study in Uto-Aztekan, II. *American Anthropologist* 17(1): 98–120; 17(2): 306–328.
- Sapir, Edward. 1916. Time perspective in Aboriginal American culture, a study in method. *Memoir 70, Geological survey of Canada, Anthropological series* 13: 1–87.
- Sapir, Edward. 1917a. The position of Yana in the Hokan stock. *University of California publications in American archaeology and ethnology* 13(1): 1–34.
- Sapir, Edward. 1917b. The status of Washo. *American Anthropologist* 19(3): 449–450.
- Sapir, Edward. 1920. The Hokan and Coahuiltecan languages. *International Journal of American Linguistics* 1: 280–290.
- Sapir, Edward. 1921a. A bird’s-eye view of American languages North of Mexico. *Science* 54: 408.
- Sapir, Edward. 1921b. A characteristic Penutian form of stem. *International Journal of American Linguistics* 2: 58–67.
- Sapir, Edward. 1921c. A supplementary note on Salinan and Washo. *International Journal of American Linguistics* 2: 68–72.
- Sapir, Edward. 1922. The fundamental elements of Northern Yana. *University of California publications in American archaeology and ethnology* 13(6): 215–234.
- Sapir, Edward. 1923a. The Algonkin affinity of Yurok and Wiyot kinship terms. *Journal de la Société des américanistes de Paris* 15: 36–74.
- Sapir, Edward. 1923b. Text analyses of three Yana dialects. *University of California publications in American archaeology and ethnology* 20: 263–294.
- Sapir, Edward. 1923c. A type of Athabaskan relative. *International Journal of American Linguistics* 2: 136–142.
- Sapir, Edward. 1925a. The Hokan affinity of Subtiaba in Nicaragua. *American Anthropologist* 27(3): 402–435; 27(4): 491–527.
- Sapir, Edward. 1925b. Pitch accent in Sarcee, an Athabaskan language. *Journal de la Société des américanistes de Paris* 17: 185–205.
- Sapir, Edward. 1925c. The Similarity of Chinese and Indian Languages (Report of an interview). In: *Science* 62(1607): xii–xiii.

- Sapir, Edward. 1926. A Chinookan phonetic law. *International Journal of American Linguistics* 4: 105–110.
- Sapir, Edward. 1929. Central and North American languages. In: *Encyclopaedia Britannica*, 14th ed., vol. 5: 138–141. London / New York: Encyclopaedia Britannica Co.
- Sapir, Edward. 1949. Male and female forms of speech in Yana. In: David G. Mandelbaum (ed.). *Selected writings of Edward Sapir in language, culture and personality*: 206–212. Berkeley: University of California Press.
- Sapir, Edward. 1990–2008. *The collected works of Edward Sapir*, 16 vols. Berlin / New York: Mouton de Gruyter.
- Sapir, Edward, Roland B. Dixon. 1910. *Yana texts, together with Yana myths collected by R. Dixon* (University of California publications in American archaeology and ethnology 9). Berkeley: University of California Press.
- Sapir, Edward, Leslie Spier. 1943. Notes on the culture of the Yana. *Anthropological Records* 3(3): 239–298.
- Sapir, Edward, Morris Swadesh. 1953. Coos-Takelma-Penutian comparisons. *International Journal of American Linguistics* 19(2): 132–137.
- Сепир, Эдвард. 1993. *Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii*. Moskva: Progress.
- Shipley, William F. 1978. Native languages of California. In: William C. Sturtevant (ed.). *Handbook of North American Indians* 8: 80–90. California / Washington, D. C.: Smithsonian Institution.
- Sims, Christine P., Hilaire Valiquette. 1990. More on male and female speech in (Acoma and Laguna) Keresan. *International Journal of American Linguistics* 56(1): 162–166.
- Spott, Robert, Alfred L. Kroeber. 1942. Yurok narratives. *University of California publications in American archaeology and ethnology* 35(9): 143–256.
- Swanton, John R. 1915. Linguistic position of the tribes of Southern Texas and Northeastern Mexico. *American Anthropologist* 17(1): 17–40.
- Токарев, С. А., Е. Э. Бломквист. 1959. *Jazyki i pis'mennost' korennoogo naselenija Ameriki*. In: *Narody Ameriki* 1: 24–52. Moskva: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Turner, Katherine. 1987. *Aspects of Salinan grammar*. PhD dissertation. Berkeley: The University of California.
- Voegelin, Charles F., Florence M. Voegelin. 1977. *Classification and index of the world's languages*. New York / Oxford / Amsterdam: Elsevier.

Igor Kuznetsov. Toward a history of the study of long-distance relationship: the six phyla of North America

The present paper is a pioneering attempt to examine in detail the events of 1913–1933 associated with the emergence of key hypotheses of distant relationship of language families in aboriginal America. The context of the state of science at that time is restored, with attention drawn to the difficult interpersonal relationships of E. Sapir, A. L. Kroeber, P. Radin and other participants in the discussions described, as well as the circumstances of their accumulation of linguistic material, often from the last native speakers. An important conclusion is the call to consider the views of the authors of the “six phyla” in their development as a kind of compromise between the approaches of European and American schools. Some of the phyla identified by Sapir (such as Aztec-Tanoan) were apparently never understood by the scholar in the proper spirit of classical comparative-historical linguistics (i.e. as a tree with a single proto-language, etc.).

Keywords: Edward Sapir; Alfred L. Kroeber; Paul Radin; phylum; superfamily; genealogical classification of languages; comparative-historical linguistics; mixed languages; Native American languages.